

18+

МЕЖДУ ЮЖНЫМ
И
СЕВЕРНЫМ ПОЛЮСАМИ

ЕВГЕНИЙ ГОЛЬЦОВ

Евгений Гольцов

**Между Южным
и Северным полюсами**

«Издательские решения»

Гольцов Е.

Между Южным и Северным полюсами / Е. Гольцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564293-6

Каждый персонаж историй этого сборника одержим навязчивой идеей в бесповоротно слетевшем с катушек мире. Каждый из них является частью общего детективного расследования двух полицейских, стремящихся поставить планету на место, но не успевающих найти нужную точку опоры. Где находится истина? В материальном мире или только в нашем сознании? Она где-то рядом, между Южным и Северным полюсами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-564293-6

© Гольцов Е.
© Издательские решения

Содержание

МЕЖДУ ЮЖНЫМ И СЕВЕРНЫМ ПОЛЮСАМИ	6
Краковская колбаса	7
Сцыкуала	14
Графиня и дуб	21
Бонни и Клайд	28
Экстрасенс	33
Уборщик	42
Популярная наука	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Между Южным и Северным полюсами

Евгений Гольцов

Дизайнер обложки Melba Marat

© Евгений Гольцов, 2022

© Melba Marat, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-4293-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕЖДУ ЮЖНЫМ И СЕВЕРНЫМ ПОЛЮСАМИ

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Краковская колбаса

Лаврентий Демидович шел домой походкой, которая уже лет пятнадцать была шаркающей; в одной руке у него была банка дешевого пива, в другой – пакет, в котором лежала палка краковской колбасы. Потягивая пиво, Лаврентий Демидович предавался воспоминаниям о том, как в старые времена, когда на теле его страны заживали многочисленные раны, оставленные большой войной, краковская колбаса была не то чтобы дефицитом, – ах, кто из нынешней молодежи знает и помнит истинное значение этого слова? – она была чудом, ценнейшим артефактом, доступным лишь членам правящей партии, либо хватким, удачливым людям.

Теперь же это чудо природы – искусно приготовленная плоть убитых обладателей рогов и копыт – была в свободной продаже. Раз в месяц, с каждой пенсии, Лаврентий Демидович покупал целную палку краковской колбасы.

Где-то там, за границей, в городе, где он никогда не побывает, человеческий разум дошел до того, что превратил смерть в предмет вкусового наслаждения. Там, в прошлом, гиганты человеческой мысли научились измельчать мясо свиней и коров, перемешивать ее, превращая два животных в одно – щедрое, охотно делящееся с людьми кусками ароматного полукопченого тела. Лаврентий Демидович представил его: смесь свиньи и коровы с большими грустными глазами, увешанное, как дредами, толстыми мясными батонами. Глаза невиданной скотины умоляюще просят избавить его от лишнего веса. Добрые мясники вырывают куски колбасы, оставляя открытыми поры. И нет никакой смерти.

Разве благоухающий бутерброд и бутылка пива могут быть связаны со страданием, болью и страхом? Неужели такое удовольствие, как поедание колбасы, должно кому-то стоить жизни? Но, ах! Вся эта сложность молекулярных соединений продукта пронизана метафизическим ужасом. Вот он, Лаврентий Демидович, несет в руках палку колбасы и пьет пиво. И вроде бы все отлично – красота и гармония. Но когда тебе шестьдесят пять, вечность начинает тревожно фонить невидимой, назойливой комариной стайей. Вдруг это последняя бутылка пива? Последняя палка колбасы? Сколько еще удовольствий можно получить, пока некогда приветливое звездное небо не потребует расплаты? Молекулы, составляющие тебя, продолжают участвовать во всеобщем уравнении, но разум – нет; он останется, запертый во временной ловушке – статичный и неизменный. Перспектива сомнительная, да еще и пиво кончается.

Лаврентий Демидович направился к ближайшему ларьку:

– Две «Охоты крепкой» и пластиковый пакет.

– Сто девять рублей. Десять рублей посмотрите?

– Да, да, – порывшись в карманах, пенсионер достал сторублевую бумажку и десятирублевую монету.

– Прекрасно, – улыбнулась продавщица, выставляя перед покупателем две банки холодного, запотевшего пива.

Продавщица, молодая, крепкая девушка, с зелеными глазами, красивыми, полными руками, и крашенными хной волосами.

«Все циклично, все повторяется. Всегда будет какая-то молодая продавщица с пивом в ларьке, а вот ты сам уже прежним не будешь. Ты никогда не займешься с ней сексом. Твое дряхлеющее тело не способно вызвать ее интерес. Несвежее дыхание старика больше не позволит возникнуть на губах ни одному романтическому поцелую», – почти незаметно мелькнула мысль в голове Лаврентия Демидовича.

– Дочка, а может, в кино сходим? – вдруг заявил он.

Продавщица звонко расхохоталась и добродушно ответила:

– Нет, спасибо.

– А чего? Пообщаемся о том, о сем. Я человек пожилой, много повидал, со мной не скучно, а то эти молодые прохвосты – о чем с ними говорить?!

– Ваше пиво, – сказала девушка, подавая пакет.

Лаврентий Демидович достал одну бутылку, и ловко откупорил ее открывалкой, привязанной веревочкой к вкрученному в прилавок шурупу. Сделав три-четыре крупных глотка, он еще раз внимательно взглянул на девушку.

– А может, сходим на танцы? Вы умеете танцевать вальс? Я вот прекрасно вальсирую, – пенсионер сделал неловкое танцевальное па.

– Дедушка, вы во времени потерялись? Сейчас не ходят на танцы.

– А куда ходят?

– В клуб или на дискотеку.

– И что, там не танцуют?

– Вальс не танцуют.

– А мы станцуем.

– Нет, не станцуем.

– Что ж вы, молодежь, такая нелюбопытная? Неужели неинтересно, как двигается старый, опытный самец? – Лаврентий Демидович, выпятил губу и повел плечом.

– Честно – не интересно, – девушка закатила глаза.

– Да что вам вообще интересно?

– Много чего, но старые козлы, пьющие дешевое пиво, мне интересны ровно настолько, сколько они тратят на его покупку. Рабочие обязанности, знаете ли.

– А я куплю! – Лаврентий Демидович залез в карман, нашаривая мелочь, но там явно не хватало. – Да и черт с ним. А хотите колбасы краковской?

– Проваливай отсюда, дедушка, твоя колбаса уже ни на что не годится, как ее не назови, – прошипела продавщица.

– Сука, – с чувством заявил Лаврентий Демидович и отправился прочь.

– Извращенец старый!

«А вот человек умирает, и что? – размышлял пенсионер, – Какова вероятность, что такая сложность мира, с ним, таким же Лаврентием Демидовичем, возникнет вновь? Ноль, запятая и несчетное количество нулей, уходящее в необозримую даль. Но где-то там, за нулями, есть другая цифра; а значит, то, что может произойти – обязательно произойдет, особенно если на твоей стороне бесконечность. И что? Он опять будет идти, таким же днем, с этой вонючей палкой колбасы и дерьмовым пивом? И молодая продавщица снова пошлет его? И жизнь его будет такой же идиотской? И дома будет его ждать дочь – глупая стерва Танюха? Его сокровище, будь оно неладно. Время навернет гигантский круг, и все вновь возникнет во всей такой же сложности, чтобы он снова купил краковской колбасы, а продавщица послала его подальше? Неужели колесо времени, проходящее через бесконечность, может упереться в палку колбасы, как баран в новые ворота?»

Пенсионер отпил пива, достал из пакета мясной колбасный батон и погрозил им в небо, после чего предался размышлениям:

«А если с каждым витком времени, он, Лаврентий Демидович, в своих бесконечных повторениях может что-то изменить, хоть самую малость? Вот можно колбасу псу бездомному отдать, съесть самому, или... Да страшно подумать, сколько всего можно сделать, сколько успеть. И ведь про это уже есть теории в квантовой физике. Жаль, что он не ученый. Уж он бы увидел, почувствовал картину других измерений».

Лаврентий Демидович навернул круг через бесконечность и взглянул на руку с зажатым полукопчёным артефактом.

Колбаса на месте. Да ладно вам, неужели все настолько похоже? Ну-ка! Еще разок! Такая же ерунда. Еще! Еще! Мать вашу! Неужели, мотаясь по кругам бесконечности совпадений, он ни разу не попадет в зону сингулярности или еще чего, что изменило бы ситуацию? Нужно доказать высшему порядку, что колбаса ему не нужна! Выбросить? Не-е-ет, так не переделашь это гоночное поле. Выбрось ее собаке, и космическая служба доставки, навернув круг, снова вложит в руку пакет с колбасой. Тут нужно кардинальное решение! Кар-ди-на-льное!

Лаврентий Демидович почувствовал, как невидимые звезды взглянули на него с холодным вниманием.

– Дайте мне палку колбасы, и я переверну весь мир, – произнес он вслух и расхохотался.

Тут владелец колбасы заметил молодого человека, который тоже как будто с кем-то разговаривает. Лаврентий Демидович, стараясь не шуметь, подошел к нему.

– С кем это ты разговариваешь, сынок?

– Мысли вслух, – равнодушно ответил тот, убирая смартфон в карман.

– В мое время знаешь, что делали за мысли вслух?

– Знаю, – ответил незнакомец и направился прочь, явно не желая продолжать разговор.

– Вот-вот. Раньше бы ты уже лес в Сибири валил или на Урале металл плавил. Радуйся временам: сейчас таким, как вы, свобода – можно ходить по паркам гадить да пиво в подъезде пить, – прошипел вслед Лаврентий Демидович.

Пенсионер почувствовал, как в нем набирает силу неведомая энергия, как будто он подключился к невидимому потоку, обладающему колоссальной силой. Потоки энергии пульсировали в теле, проходили через ноги, руки, мозг. Часть обретенной силы передалась колбасе; полукопченая мякоть начала болеть, и Лаврентий Демидович чувствовал ее, как свою собственную, но боль при этом не была кошмаром: распространяясь по телу, она наполняла его безумной радостью, как будто пробуждая его из летаргического сна.

«Господа, извольте вам сообщить: я выхожу из вашей временной ловушки. Внимательные взгляды из-под очков. Да-да, я увольняюсь. Мне больше не нужно ваше оргазменное рабство и участие в этой пошлой игре под названием „эволюция“. В этой точке бытия я выхожу на свободу. Вы, вы все, глупые и алчные животные с патологической тягой к власти и контролю – слушайте меня: Я выписываюсь с вашей реальности, пропахшей застарелыми фекалиями и спермой, выпущенной со страху. Все ваши ужимки нереальны, ваши законы – брехня для тех, кого вы превратили в работающее на вас мясо. Все неправда! Нет тут ни доброты, ни сострадания. Все эти моральные ценности, с детства транслируемые вашими адскими машинами, всего лишь снотворное для скота, чтобы потом смешать их мясо и получить колбасу. Кра-ко-вскую колбасу! Еще один вид отходов цивилизации».

Лаврентий Демидович достал колбасу и сжал ее в руке как оружие. Он стоял, широко расставив ноги и задрал голову. Пенсионер залпом допил пиво и бросил бутылку в серую после зимы траву. Вдохнув полной грудью, Лаврентий Демидович почувствовал, как броуновское движение элементарных частиц ощущается мозжечком, откликается в районе копчика забытым эхом удовольствия.

«Позволь очищающему хаосу, из которого ты состоишь, направить разум. Позволено все. Только стерев границы, можно выбраться из этого колеса времени. Покажи этим паразитам, захватчикам, что твое мясо не годится им в пищу, вычеркни свое настоящее имя из книги учета».

Неведомый восторг толчками наполнял тело Лаврентия Демидовича. Он шел по парку, рассекая пространство волной радостной, обжигающей энергии; впереди его уже ждала одинокая цель – это был лысоватый мужчина в демисезонном пальто с поднятым воротником, рядом с ним стоял небольшой кожаный портфель.

«Нет страха. Нет морали. Нет закона. Нет принципов. Нет жалости. Нет сострадания. Нет грусти. Нет сожаления. Нет времени. Нет возраста. Нет социального положения. Нет заботы о детях и родителях. Нет любви. Есть только бесшабашный подвиг, рожденный в замысловатом движении элементарных частиц».

Лаврентий Демидович расхохотался, оказавшись за спиной сидящего человека. Тот отвлекся от смартфона, на экране которого он что-то читал, и обернулся, недовольно шевельнув ухоженной козлиной бородкой. Пенсионер, гаркнув нечто вроде боевого индейского клича, обхватил его шею мертвой хваткой, с силой уперев палку колбасы ему в висок.

– Что происходит? – человек попытался вяло сопротивляться.

– На этой планете все происходит неправильно, – прошипел Лаврентий Демидович.

– Я-то тут причем? – возмутился человек, не исчерпавший запас самообладания.

– Ты что белая пушистая овечка? Кого ни спроси – все ни причем! А потом наше мясо смешают и сделают колбасой.

– Причем здесь колбаса? Вы пьяны!

– Я тебе сейчас мозги вышибу, – Лаврентий Демидович вжал колбасу в висок жертвы.

– Ладно-ладно, чего Вы хотите от меня?

– Давай деньги.

– Но у меня только кредитная карта, я не пользуюсь наличными.

– Я выстрелю. Раз... два...

Человек с бородкой скосил глаза и принял.

– Это колбаса? Краковская?

– Три, – заявил Лаврентий Демидович безапелляционным тоном в ухо незадачливому скептику.

– Постойте, – человек на скамейке раскраснелся и покрылся испариной, – я все отдам, – дрожащей рукой он вытащил кожаный бумажник из внутреннего кармана и протянул пенсионеру.

Не отпуская хватки, Лаврентий Демидович открыл бумажник и заглянул внутрь: помимо нескольких кредитных карт там лежало несколько пятитысячных купюр.

– А ты у нас лжец.

– Я...я...я профессор, я уважаемый человек, забирайте деньги и уходите.

– Что в портфеле?

– Книги.

– Какие?! – закричал в ухо профессору Лаврентий Демидович.

– Ницше, Хайдеггер, Маркс, – скороговоркой выпалил мужчина.

– Доставай.

– Я преподаю, это для лекций, – доставая книги, причитал профессор.

– Маркса сюда, – приказал пенсионер, ослабляя хватку.

– З-зачем Вам Маркс? – спросил профессор, передавая книгу

Схватив книгу, Лаврентий Демидович со всей силы ударил по затылку профессора, но оказалось, что лишить человека сознания толстой книгой не так просто, как это показывают в фильмах.

– Что Вы делаете?! – закричал тот и бросился бежать, прихватив портфель с оставшимися в нем книгами.

– Вот дерьмо, – заключил пенсионер.

Он открыл книгу.

– ...мы находим здесь людей, которые все зависимы – крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы! – Лаврентий Демидович выкрикнул наобум взятую цитату вслед убегающему профессору.

– Что же я делаю? – пробормотал пенсионер, и посмотрел на колбасу в своей руке.

Кусок колбасы пульсировал в руке, как будто в нем находилось несколько сердец, как в теле кальмара или земляного червя; это были и его сердца, они придавали сил, как будто все кальмары и черви также хотели вырваться из этой временной петли.

Лаврентий Демидович дьявольски расхохотался и направился дальше.

– Охоту крепкую.

– Опять ты, иди уже, проспись, – возмутилась зеленоглазая продавщица.

Лаврентий Демидович молча хлопнул на прилавок пятидесятирублевую бумажку.

– Банк ограбил, что ли? – чуть смущенно пробормотала она.

– Нагнись-ка сюда, – ледяным тоном приказал мужчина.

Продавщица, будто замороженная взглядом змеи, подчинилась, оперевшись о прилавок своей внушительной грудью.

Лаврентий Демидович схватил ее за горло, уставившись в наполненные ужасом зеленые глаза.

– Открой рот, сука.

Девушка, будто в трансе, послушно открыла рот.

Лаврентий Демидович засунул ей в рот палку краковской колбасы и начал делать поступательные движения.

– Нравится?

Продавщица не отреагировала, она просто смотрела на покупателя широко открытыми глазами.

Закончив экзекуцию, пенсионер, как ни в чем не бывало, заявил:

– Ну, где же мое пиво?

Девушка, глядя в пустоту, поставила на прилавок бутылку пива и машинально отсчитала сдачу.

– Мы еще встретимся, и все будет по-другому.

Лаврентий Демидович откупорил бутылку о поребрик автомобильного заграждения и направился дальше. Навстречу ему шла молодая семейная пара; мамаша, крашеная блондинка, держала за руку откормленного отпрыска.

– Гуляете? – спросил Лаврентий Демидович, изобразив дружелюбие.

– Гуляем, – с оттенком флирта ответила женщина.

– Как зовут сыночка? – пенсионер присел перед ребенком.

Папаша попытался возразить, но женщина, заметив его порыв, дернула его за рукав.

– Лавруша.

– Как мило. Кем ты хочешь стать, Лавруша, когда вырастешь?

– Олигархом, – выпятив губу, ответил мальчик.

– Ты знаешь о том, что ты вырастешь редким ублюдком? – спросил пенсионер, поглаживая по голове белокурого мальчугана.

– Э-э! – раздался голос отца.

Но конфликту не суждено было продолжиться – раздался вой полицейских сирен.

– Это профессор, – пояснил Лаврентий Демидович, – я тут, знаете ли, человека ограбил. Желаете колбасы?

– Э-э, – отец ребенка двинулся на обнаглевшего пенсионера.

Лаврентий Демидович, двинувшись навстречу, точным движением упер палку колбасы в нос возмущенному мужчине.

– Ты вообще знаешь, из чего состоит краковская колбаса?

– Нет, – ответил ошеломленный родитель.

– То-то же, – заключил Лаврентий Демидович и бросился бежать к ближайшему жилому дому.

Высоковольтная линия радости, незримо для всех пронзавшая пространство, теперь была подключена к венам и нервам немолодого мужчины.

Настоящий он – гибкий хищник, проник в каменный муравейник, состоящий из множества нор. Там, за закрытыми дверями, с замками и цепочками множество дрожащей биомассы; но он состоит из другого мяса. Никакие гнусные хозяева этого мирка не доберутся до него – другие стандарты. Какая бы метафизическая колбаса не производилась на этой планете – он вне игры. Семейная парочка показывает полицейским, где скрылся злоумышленник. Смешно. Они вообще, в курсе, с какой скоростью несется в пространстве весь этот бардак? Галактика изящно закручивается по спирали, но служителям порядка до этого нет дела. Этот порядок придумали враждебные насекомые, которым нет дела до мелочных терзаний, присутствующих нашему биологическому виду. – «Кусок краковской колбасы, пожалуйста». – «Выпишите ему, машина питания дала разрешение на откорм; департамент смерти заверил его печатью». Вселенная сжимается и разжимается в порыве Большого Взрыва, как гигантское бесконечное существо, бьющееся в агонии, порождая череду согнутых палок краковской колбасы. Но этой мешаниной не сломить дух настоящего солдата свободной армии, состоящей из пиратов, преступников всех мастей, бывших рейнджеров, беглых еретиков, портовых шлюх, разуверившихся монахов, отчаянных дауншифтеров и прочих отморожков, выплюнутых цивилизацией за ограду скотного двора. Свиные и коровьи останки сошлись в оргазменном экстазе – оружие врага! Его не выкинешь просто так, если поступить неразумно, колбаса, как «кольцо всевластия», вернется за тобой и накажет.

Дверь на чердак девятиэтажного здания, как и люк на крышу, оказался открыт, и Лаврентий Демидович оказался один на один с небом, давящим на него низкими клочковатыми облаками.

– Вот так. С меня хватит. Пора перезапустить время. Чертова колбаса, я избавлюсь от тебя... – бормотал пенсионер, становясь на бордюр крыши.

Он смотрел на неспешно текущие акварельные разводы туч, а затем на колбасу, и чувствовал, как подобно двум краскам, грусть перетекает в ненависть и обратно и, смешиваясь, эти два чувства образуют уродливые, замысловатые узоры.

– Мужчина, прошу остановиться, это полиция, – послышался голос за спиной.

– Мы не причиним Вам вреда, – вторил другой голос, постарше.

– Я еще вернусь, – не оборачиваясь, сказал Лаврентий Демидович и бросился вниз.

Полицейские сидели в машине и молчали. Более молодой крутил ручку радиоприемника, пытаясь поймать нужную волну.

– Это ж надо, такое совпадение, – тихо произнес тот, что постарше, с седеющими усами.

– Угу, – ответил молодой, не переставая крутить ручку.

– Откуда там взялся грузовик с сеном? Ты веришь в совпадения?

– Приходится.

– Ну, вот как можно сброситься с крыши и попасть в проезжающий грузовик, отделавшись легким вывихом?

– Повезло.

– Да хватит радио мучить!

– Чего ты нервничаешь? – молодой полицейский выключил радио.

– Не люблю я, когда чего-то не понимаю.

– Чего ты не понял?

– Кому в городе, в марте, понадобилось сено?

- Мало ли, может, у кого корова дома живет?
- Тебе бы все шутить. Есть хочется, поезжай до Макдональдса, а? Мало того, что кругом психопаты, не хватало еще и язву заработать.
- У меня бутерброды есть, – молодой полицейский открыл бардачок и достал пакет.
- С чем у тебя?
- С колбасой.
- С каких пор ты стал бутерброды делать?
- Ну-у-у, захотелось краковской колбасы.
- Неожиданная догадка пришла на ум усатому полицейскому.
- Слушай, ты что?
- Да нормальная она, не выбрасывать же?
- Ты мозги с утра дома забыл, это же вещественное доказательство?!
- Да чего там доказывать? У дедка по весне крыша поехала, что и без колбасы понятно и занесено в протокол.
- Усатый полицейский покачал головой и отвернулся; помолчав некоторое время, он заявил:
- Ладно, давай сюда свой бутерброд.
- Напарник молча протянул пакет. Некоторое время патрульные жевали молча.
- И что, они в Кракове все время едят колбасу? – несколько равнодушно спросил седой полицейский.
- Не знаю, я там не был.
- А хотел бы?
- Может быть.
- Это был тот случай, когда полицейские, сидя в патрульной машине, одновременно думали о том, что, скорее всего, они никогда не побывают в славном городе Кракове.

Сцыкуала

Роман Евгеньевич никогда не плакал на похоронах. Да и вообще, он много чего никогда не делал: не размешивал сахар в жидкости более пятнадцати секунд, не наступал на канализационные люки, не брал сладкой кукурузы в кинотеатре, не отрывал хвостов крупным ящерицам, не чистил зубов на ночь, не подбрасывал бильярдный шар более чем на полметра вверх. Он педантично собирал свои табу, раскладывал их по полочкам своей памяти, тщательно протирал, проверял, все ли на месте, и неизменно любовался километром пустующих полок, на которых могло расположиться еще порядочное количество «никогда». Количество не производимых действий, в конце концов, намного превысило количество событий, происходящих в жизни активного человека. В лексиконе своего внутреннего диалога Роман Евгеньевич называл это «коллекцией пустоты»:

«Рома, ты плюнешь отсюда до забора?» – «Я никогда не плюю дальше двух метров». – Мальчик важно оттопыривает губу и добавляет новую склянку запрета в свою, пока еще небольшую коллекцию. – «Может, ты хочешь, чтобы я была сверху?» – Щербатая шлюха Милана, худая, как бездомная кошка, полна энтузиазма. – «Ну, же, Роман Евгеньевич, желаете, я пососу Ваш член? Уж извольте, я в этом деле профессионалка, и дело это люблю совершенно искренне». – Время опять носится замысловатыми спиралями. События прошлого проносятся по орбитам одна за другой. – «Эй, отмотайте пленку, я хочу посмотреть этот кусок снова!» – «Это не входит в стоимость билета!» – кричит демонстратор, но отматывает. – «Нет, Милана, я никогда в этом деле не позволяю себе вольностей, становитесь-ка задом!» – Худые руки шлюхи, покрытые веснушками, на стареньком комоде. Мужчина и женщина отражаются в зеркале и выглядят как герои старомодного триллера. Жар вагины чувствуется даже через латекс презерватива. Он никогда не обменивался жидкостью с женщиной. Не был в системе альфа Центавра. Не испытывал растянутой на десятилетия грусти анабиоза. Не держал в руках энергетического копья и не поражал им страшных созданий, приходящих из ужасов подсознания. Нет сил сдержаться и остаться в текущем измерении. Мысли прерваны стремительно нахлынувшей волной оргазма. Плоть благодарно дрожит от наслаждения, камертоном усиленная вздохами проститутки. – «Ты знаешь, твоя стабильность и предсказуемость даже возбуждает меня!» – Милана смеется, почесывая худые ляжки. — «Никогда не улыбаться в ответ». – Надежная энергетическая защита легким касанием окутывает лобные доли мозга. Пальцы привычным движением завязывают презерватив в узел. Вуаля! Цель в корзине, наполненной неприятно пахнущими салфетками. Он никогда не промахивался. Дешевый отель резонирует своими тонкими стенами с проезжающими автомобилями. Кто там сказал, что нет ничего прекраснее звездного неба над головой? Чушь собачья! Интересно, что сказал бы этот умник, подхватив венерианских паразитов. Энергетические твари, что-то вроде креветки, образуют колонии вокруг крупных нервных центров. Синапсы жертвы подают друг другу измененные сигналы. Возникает венерианский кошмар, часто использующийся преступниками для контроля. Наиболее известный случай, описанный в литературе, это когда один малый осознал себя гигантским насекомым и, заразив своих родственников венерианской креветкой, заставил их в это поверить».

– Вы тоже один из этих?

Роман Евгеньевич вздрогнул, услышав неожиданный вопрос. Задал его мужчина лет шестидесяти, с аккуратной прической и почти полностью седой бородой. Внешность, что называется, респектабельная, если б не застиранная клетчатая рубаша и чересчур сильный запах дешевого дезодоранта.

– Что, простите? – холодно спросил Роман Евгеньевич.

– Вы один из ее любовников? Не мне же мне Вам рассказывать, что несчастная была шлюхой. Но какой! – седой мужчина сделал вульгарный жест, показывая большим пальцем на одну щеку и языком выталкивая другую.

– Я бы не хотел сейчас разговаривать, если не возражаете.

– Ой, только не говорите, что Вы ее отец, – не унимался седой.

– Я не ее отец.

– Готов поставить что угодно, что его здесь сейчас нет.

На церемонии прощания вокруг могилы собрались сплошь стареющие мужчины. Каждый как будто чего-то стеснялся: кто разглядывал деревья кладбища, или делал вид, что занят своим сотовым телефоном; некоторые стояли с беспристрастным видом, засунув руки в карманы, подчеркивая, что их нахождение здесь не более чем визит вежливости. Священник с красным опухшим лицом энергично помахивал кадилом.

– Упокой боже душу рабы божьей Татьяны! – затянул он. – Для всех нас она была, есть и будет прекрасным, чутким человеком.

– Ага, – зашептал седой, – уверен, что этому алкоголику в рясе она тоже регулярно...

– Да замолчите Вы или нет?! – воскликнул Роман Евгеньевич максимально громким шепотом.

– Она всегда вкладывала душу во все, что бы ни делала, переживала за всех людей, с кем бы ее ни сводила судьба. И вот эта ее открытость, доверчивость и сострадание никуда не уйдет и навеки останется с нами, – продолжал поп.

– Действительно, каким надо обладать способностями, чтобы собрать здесь всех этих старых хрычей, – пробубнил себе под нос седой мужчина, усмехнувшись своим мыслям. – Подобный талант, к сожалению, никогда не признают как нечто выдающееся. Он всегда будет прятаться на темных дорогах, в дешевых отелях, среди сомнительных личностей, презервативов и таблеток для улучшения потенции.

– С меня хватит! – так же, как будто обращаясь к самому себе, заявил Роман Евгеньевич и отправился прочь.

– А ведь она мне про Вас рассказывала! – громко крикнул одиозный седой человек.

Все собравшиеся на мгновение смолкли и уставились в сторону нарушителей церемонии. Роман Евгеньевич покраснел, но остановился:

– Что? Вам? Про меня?

– Про Вас! Про Вас! – бесцеремонно расхохотался неожиданный собеседник.

– Бред!

– Вы Роман Евгеньевич, не так ли?!

– Да что происходит, кто Вы такой?

– Я все объясню, уйдемте отсюда.

Роман Евгеньевич ничего не ответил и отправился дальше. Неприятный человек пошел за ним.

– И теперь душа рабы божьей Татьяны в раю, одесную Господа нашего – Иисуса Христа, – голос священника затихал среди кладбищенского ветерка.

– Меня зовут Франц Иванович – я доктор, – представился незнакомец.

– Мне, судя по всему, уже представляться не надо, – огрызнулся Роман Евгеньевич.

– О да! – новоявленный доктор хихикнул. – Вы, наверное, желаете объяснений?

– Возможно, – уклончиво ответил Роман Евгеньевич.

– Это случилось во время невинного спора. Собеседником она была неважным, но после секса, знаете ли, хочется потрепать языком; помнится, речь зашла о грехе. Наивная нимфоманка полагала, что, дожив до старости, она раскается во всей своей прожитой жизни и превратится в вечный и добрый пучок света, летящий в бесконечности – довольно милый образ для воображения представительницы древнейшей профессии, на мой взгляд. Я утверждал, что

в рамках концепции авраамических религий безгрешных людей не бывает и, по большому счету, мы все являемся шлюхами, в той или иной степени, и света в нас не больше, чем в куске мышиного дерьма. Все, конечно, совсем не так, – Франц Иванович нервно хихикнул, – а Вы как считаете?

– Не думал об этом.

– Вот-вот. И Татьяна... Ну, или как она Вам представлялась?

– Миланой.

– А мне Наташей с Ростова. Не важно. Признаюсь, мне доставляло удовольствие наблюдать за женщиной – жертвой своих страстей в этом зыбком, призрачном мире. Тогда-то она мне и рассказала про Вас: мол, есть у нее человек, настолько стабильный в своих привычках, что встреча с ним успокаивает ее на неделю вперед. Человек, у которого ни-ко-гда не будет другой женщины. Какая метафизическая верность! Она рассказала мне, что это чувство постоянства для нее гораздо важнее любви, если таковая вообще существует. Поэтому, простите мое навязчивое любопытство, но хотелось бы поинтересоваться – это правда?

– Не понимаю, почему я должен Вам что-либо объяснять.

– Конечно, Вы мне ничего не должны. – Франц Иванович запнулся. – Видите ли, это, можно сказать, в сфере моих профессиональных интересов.

– Да, Вы говорили, что являетесь доктором. На основании рассказов этой девушки я вызываю психиатрический интерес?

– О нет, я не психиатр. Все они – шарлатаны! Предпочитаю иметь дело с явлениями более-менее объективными. Я паразитолог.

– Вы издеваетесь надо мной?! При чем здесь паразиты? Я всегда предохранялся! Не понимаю, что за удовольствие Вы получаете от своих сомнительных шуток?

– Послушайте меня. На основании того, что я слышал, Вы находитесь в зоне риска одной весьма опасной особи.

Роман Евгеньевич остановился и пристально посмотрел в глаза доктору. Как ни странно, на его лице не читалось издевательского выражения.

– Сцыкуала, – произнес Франц Иванович.

– С меня хватит! – чеканя слова, произнес Роман Евгеньевич и отправился дальше быстрым шагом.

Доктор последовал за ним почти бегом:

– Она избирательна! Понимаете, это не какой-нибудь червь-сосальщик: эта особь находится в некотором пространстве, между физическим и нематериальным, если это можно так назвать. То, что у человека называют душой – полный бред – на самом деле это паразит в коконе тела, которые размещены в нашем теле некоторой высшей интеллектуальной системой, и, если верить священным писаниям, мы еще и несем ответственность за его созревание! Метафорическое сознание древних писателей библии дает нам подсказку. Как вы считаете, что представлял из себя плод с древа познания добра и зла?

– Простите, я не интересуюсь сказками.

– Совершенно напрасно. Это был глистогонный препарат. Эти, условно первые люди, изгнали из себя паразитов и стали попросту не нужны тому, кто это задумал. Система поменялась, и теперь носители монад имеют ограниченный срок существования и легко подвергаются заражению. Это четкий и логичный механизм: он искусно маскируется культурой, а наукой вежливо игнорируется. Я потратил годы, поставил множество экспериментов, чтобы доказать, что наш вид тотально заражен.

– Причем здесь я?

– Видите ли, существуют редкие случаи, когда носитель настолько растрчивает свою психическую энергию во внешней среде, что паразит начинает голодать. Если же организм погибает, то возникает шанс возникновения несовершенной, или заблудившейся монады. Я

назвал ее сцыкуалой из-за характерного писка, который она иногда издает. Она не может покинуть физический мир и бесцельно шатается по знакомой бывшей хозяйке территории, пытаясь прилипнуть куда угодно, как правило, к человеку уязвимому. Почему я упомянул именно хозяйку? Дело в том, что блуждающую монаду порождает женщина, способная безответно любить почти все, к чему бы она не прикоснулась. Бывшие клиенты не приходят толпами на похороны к шлюхам. Она всех любила, и мы чувствовали это, пользуясь телом несчастной девушки.

– Я Вас выслушал, а теперь, простите, но у меня нет времени для обсуждения бредовых теорий.

– Куда Вы так спешите? Послушайте меня: аномальная человеческому обществу способность к любви порождает сцыкуалу. И если она соприкасается с натурой неординарной и чувствительной, наподобие Вашей – Вы можете стать ее пищей!

– Отстаньте от меня!

– Послушайте, это не шутка! Подумайте еще раз, по какой причине вы оказались на кладбище? Сцыкуала всегда женского пола. Она разумна. Меняет жертву только после ее смерти. Ее верности может позавидовать любое существо! Вы потеете по ночам? Вам не кажется, что в правой части головы у Вас яблоко? Вы чувствуете зуд в районе седьмого позвонка?

– Вы больны. Я не намерен больше Вас слушать!

Франц Иванович остановился.

– Если обнаружите под кроватью склизкое пятно – значит, она пришла за Вами!

Паразит может принимать знакомый образ. Если это произойдет, старайтесь почаще менять место жительства: она с трудом приспосабливается к географическим перемещениям. И алкоголь! Не забывайте употреблять алкоголь. Она не любит его. Я знаю, что Вы никогда, – доктор сделал ударение на этом слове, – его не употребляли!

Роман Евгеньевич сидел перед ноутбуком. Настенные часы тикали по-особенному громко. «Сцыкуала», – набрал он в поисковике. «По Вашему запросу не найдено результатов», – ответила всемирная сеть. «Дурак», – выругался на себя Роман Евгеньевич и отправился спать. Звук тикающих часов оглушал, но он никогда их не останавливал.

«Ты больше никогда не будешь притворяться!» – «Он не спит!» – Удар по челюсти – Вспышка сверхновой... – Ряды кроватей наполнены страхом. Если никогда не есть десерта, они придут и заберут его домой. Там, на родной планете, за ним со сверхсветовой скоростью уже вылетели. Если никогда не смотреть в глаза учителю физкультуры – звездолет успеет: он не попадет в астероидное поле, не сгинет в черной дыре. – «На зарядку!» – Никогда не вставать последним в строю, и он выберется из этой ловушки. – «Эй, иди-ка сюда!» – Никогда не кричать, как бы ни было больно и страшно. Дети, запертые в своих кошмарах, рождены монстрами или им просто не повезло? – «Ты же знаешь, что после отбоя нужно спать, а не притворяться с закрытыми глазами?» – Вкус крови на зубах. Никогда не подавать виду, что тебе страшно. Звездолет преодолевает астероидное кольцо. – «Ну что, Малыш, ты ждал нас?» – «О, да! У вас есть какое-нибудь оружие? Дайте-ка мне его!» – Дети-монстры в ужасе вращают глазами. Бах! С хлопаньем куски плоти отлетают от этих жалких людишек, оставляя в воздухе кровавую пыль. Как весело идти по ним – вперед, в светлое будущее! Страх и скука, хранящиеся в детском доме, – всего лишь кошмар! Пиу! Луч разрезает учителя физкультуры: верхняя часть его, вращая глазами, кричит: «стройся!»; нижняя перебирает ногами, как будто пытаясь убежать. Ха-ха. Жуткий человек оказался жалким биороботом. Мальчик сплевывает сквозь зубы на труп и победно поднимает бластер. – «Вы позволите немного мести?!» – «Конечно-конечно, развлекайся, Малыш, – мы отвернемся». Знакомые лица в ужасе распадаются на части. Да здравствует новая реальность! Что такое? Кто эта испуганная девочка с перевязанными колен-

ками? Шлюха Милана? «Возьмите меня с собой» – умоляет девочка. – «Но ты умерла!» – «Не в этом фильме, Малыш»...

Роман Евгеньевич соскочил с постели: что-то липкое! Он никогда не наступал босой ногой в липкую массу! Ценная склянка падает с полки сознания и безвозвратно разбивается, лишая коллекцию пустоты еще одного «никогда». Хотелось грязно выругаться, но этого Роман Евгеньевич тоже никогда не делал. Он включил свет и присмотрелся: сероватая масса с четкими краями уходила куда-то под кровать. Роман Евгеньевич потрогал субстанцию пальцем, но так и не понял, из чего она состоит – отвратительно. Он отодвинул кровать. Несмотря на густую консистенцию, серая лужа, казалось, медленно перемещалась. В одном месте она имела рельеф и слегка меняла цвет – получалось изображение, как ни крути, напоминающее лицо Миланы-Татьяны, искаженное, но до боли узнаваемое.

– Что за ерунда? – Роман Евгеньевич сказал это вслух.

Он пошел за ведром и тряпкой и начал старательно тереть инородное пятно, счищая ее с паркета. Лужа при этом издавала тонкий неровный писк, словно была живым существом, болезненно реагирующим на экзекуцию с тряпкой.

– Да что происходит? – почему-то на глаза наворачивались слезы.

Счистив пятно с пола, Роман Евгеньевич выбросил тряпку и тщательно помыл ведро. Затем он отправился на службу. Какое-то время все шло как обычно: стук печатной машинки, документы, папки, – работа его всегда успокаивала. Заполнить форму, перепроверить – отправить в архив. Упорядочивание событий – сухое, без эмоций, – нравилось Роману Евгеньевичу. Всю свою жизнь он работал помощником нотариуса и никогда об этом не жалел. Продажа и покупка жилищ, доверенности, дарственные, завещания – вся жизнь в радиусе нескольких километров проходила через его руки, оформлялась и бережно укладывалась на полки. Страсти, привязанности, опасения и страхи – все в конечном счете становилось гербовой бумагой, заверенной печатью, бесконечный беспристрастный роман, фиксирующий жизнь городского района.

– Когда меня не будет, я хочу, чтобы она получила все: и дом, и машину.

– Хорошо. А другие наследники у Вас имеются?

– Вы имеете в виду детей?

– В частности.

– Эти ублюдки ничего не получают! Слышите?! Ничего!

– Я просто обязан уточнить.

– Неблагодарные твари, – они и так лишили меня всего, что можно. Ведь так, Людочка?

– Все так, Котик, не отвлекайся.

Стандартные процедуры. И чья-то история отношений вновь становится заверенным листом. Копия отправляется в архив. Роман Евгеньевич наливает чаю. Если никогда не показывать эмоций – собраты прилетят за ним. Таковы правила. Его личные правила. Наивные посетители – думают, что видят скучного клерка, но не знают, что из глубин космоса за ним придут те, кому он по-настоящему принадлежит. Это знание было с Романом Евгеньевичем, сколько он помнил себя, сначала нелепое и никому не нужное, превратилось со временем в жемчужину – личный клад. Все, что нужно – делать правильные вещи, а неправильных не делать никогда. Расскажи кому про такое, могут и за психа принять, а ведь это всего лишь метод! В свое время пророк Моисей обозначил множество «никогда» для своего народа, что спасло его от культурного растворения, и он, Роман Евгеньевич, тоже справится и улетит на Родину.

Насморк и зуд в районе седьмого позвонка сбивают с мыслей. Помощник нотариуса залезает в карман за платком. «Никогда не пользоваться клетчатыми платками», – проносится в голове. Что-то липкое и писк в ушах. Он вытаскивает платок, полностью измазанный знакомой сероватой субстанцией: «вот дерьмо!» Может быть, это паранойя? Вдруг появилось ощущение, что в голове есть нечто размером с яблоко – Сцыкуала!

Придя домой, Роман Евгеньевич проверил пол под кроватью – чисто. Спал он плохо: раздражало тиканье часов, мелкие шумы, издаваемые соседями, и собственные путанные мысли. Наутро он с ужасом обнаружил серое пятно: на этот раз рельефный портрет покойной Татьяны выглядел четче. Тряпка. Ведро. Помощник нотариуса с остервенением счищает липкую массу. Тошнота вместо утреннего кофе.

Серая масса обнаруживала себя все чаще: появляясь пятном на чашке чая, влипая в пальцы в кармане, оставаясь следом от ботинка. Роман Евгеньевич уже начал привыкать к этой кропотливой борьбе – сменные платки, каждый день новая половая тряпка, но с каждым днем сцывала отвоевывала себе все большее пространство.

Однажды утром Роман Евгеньевич обнаружил, что зловещая лужа распространилась дальше своего ареала обитания: серая масса окутала часть его стопы. Несчастный бросился в ванну и принялся тереть ногу мочалкой так, что она покраснела и распухла. Он больше не мог нормально спать; просыпаясь в неровном сне, заглядывал под кровать – убедиться, что паразит не проник к нему из темноты ночных кошмаров. Но каждый раз, забываясь под утро нервным сном, Роман Евгеньевич обнаруживал все разрастающееся пятно. Оно нахально выбиралось из-под кровати и окутывало несчастного липким одеялом все больше. «Если так пойдет дальше, можно и не проснуться с утра», – думал Роман Евгеньевич. Образ собственного трупа, укутанного липкой массой с проступающими чертами лица покойной Татьяны, постоянно вставал перед глазами. Вспомнились слова неприятного знакомого с похорон: алкоголь и смена места жительства. Кажется, пришла пора разорить свою коллекцию запретов.

– Бутылку водки – «Пять озер», ноль пять, и пиво.

– Какое пиво?

– Самое дешевое, двухлитровую пластиковую бутылку. Есть же у вас?

– «Охота крепкое», – продавец со стуком ставит товар на прилавок.

Роман Евгеньевич откупоривает бутылку прямо на улице, чем-то серым мазнув по этикетке. Сцывала стала намного агрессивнее, но пока не успевала за бывшим помощником нотариуса, с тех пор, как тот начал пить и перемещаться по недорогому ночлежкам. Правда, пока первые сто пятьдесят граммов не оказывались в желудке, труднообъяснимые страхи преследовали несчастного с завидным упорством.

«Они не прилетят. Доблестные герои оттуда – издалека. Произошла авария. Может, кусок астероида пробил корпус, или была подхвачена незнакомая инфекция? Звездолет с мертвой биомассой дрейфует в бесконечной пустоте. Больше нет цели и смысла: В родной галактике не узнают о пропавшем брате». Скланки из коллекции пустоты падают одна за другой. Они никогда не заберут его! Сосуд с серой жидкостью водружается на полку. Из него проглядывает расплывающееся женское лицо, зависнув в ней с мученическим, аморфным выражением лица. – «К черту! Расшатать полки, обрушить десятилетиями собираемую невозможность действия!» – Он будет метаться, как зверь, запертый в клетке, в последней, бесшабашной агонии. – Но полки не поддаются. Скланка с серой жидкостью нерушимым монументом смотрит на своего хозяина. – «Никогда не пить больше пол-литра». – «Вы смеетесь? Кто установил все эти правила? Самодовольные ублюдки, запертые в своих жалких жизнях. Вы будете указывать, сколько мне пить?» – Пробка летит на газон. – Божественный яд, лекарство больной души вливается, обжигая изнутри. – «Дайте-ка мне еще пива! Две!» – Сумерки спускаются на улицы. Да здесь, если присмотреться, – серый полумрак, и есть среда существования. —«Вот ваше истинное лицо. Вы – улитки в каменных панцирях, которые называете домами. Вы любите свои тюрьмы. А там! Там, куда не достанет даже ваше воображение – разбился звездолет. Звездолет!» – Лица, похожие на прошлогоднюю картошку. – «Еще пива!» – Планета движется под ногами, как будто хочет сбросить чужака. – «Я еще и спую!».

– А звезды, тем не менее, а звезды, тем не менее – чуть ближе, но все так же холодны! – Роман Евгеньевич затянул известный шлягер прошлого, знакомый с детства.

– Эй, напился, веди себя спокойно, тут люди отдыхают, – спокойно говорит швейцар, похожий на уголовника.

– Я эту песню в хоре пел, в детском доме. И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева-а-а!

– Эй, космонавт, у тебя тут долг за двое суток, я могу вытолкать тебя прямо сейчас!

Роман Евгеньевич, запрокинув голову, отпил из бутылки, запустил пятерню в карман и высыпал на стойку обильную кучу мелочи.

– Проходи. Будешь шуметь – отправишься на улицу.

Роман Евгеньевич поднялся на второй этаж гостиницы, напоминающей общежития советских времен, неровной рукой открыл дверь и, поскользнувшись на сером липком пятне, рухнул в кровать.

Проснулся он от топота и громких разговоров в коридоре. Голова гудела так, будто внутри звонил гигантский колокол. Роман Евгеньевич встал с кровати, удалил пятно грязными салфетками, которые он накануне украл в кафе, и смыл их в унитаз. Пора идти за добавкой.

Выйдя в коридор, бывший помощник нотариуса у соседнего номера обнаружил толпу, состоявшую из персонала гостиницы, медиков и полицейских.

– Да все было тихо, он всегда приходил только ночевать.

– А что это вообще за ерунда?

– Бог его знает?

– Никогда не видел подобной мерзости.

– Так, хватит разговоров – составляем протокол!

Роману Евгеньевичу не нравилось это собрание, и он хотел незаметно проскочить мимо, но случайно взглянул в открытую дверь: там, на кровати, лежало тело, густо укутанное серым коконом. Он вздрогнул, но поддавшись необъяснимому внутреннему порыву, пробрался через толпу и замер.

– Эй, вы кто такой? Тут вообще-то преступление произошло. Вы тут не на аттракционе в комнате ужасов, – одернул нарушителя полицейский с седыми усами.

Сквозь медленно шевелящийся кокон проглядывало лицо неприятного знакомого – Франца Ивановича. На лице погибшего в серой массе узнавались черты шлюхи Татьяны – казалось, она улыбалась умиротворенной, спокойной улыбкой.

– Я знаю ее! Это Сцыкуала! – Роман Евгеньевич задрожал.

– Ваши документы? – спросил второй полицейский.

– Да местный он. Алкоголик. И паспорт его у меня, – вмешался швейцар – допился, гад, до белой горячки!

– Это Сцыкуала! Паразит! Она убила его! Никогда не меняет жертву, – повторял Роман Евгеньевич.

– Пошел! Пошел отсюда!

Могучий швейцар схватил его за шиворот и вытолкал наружу.

– Заберешь паспорт, расплатишься, и чтоб больше я тебя в этой гостинице не видел, понял?!

Роман Евгеньевич вышел на улицу. Было холодно. Солнце только всходило и слабо виднелось сквозь серую, липкую массу атмосферы. Роман Евгеньевич вздохнул и пошел навстречу чужому, недружелюбному светилу.

Графиня и дуб

Полноватая рыжеволосая женщина, лет под сорок, с легкой улыбкой окинула взглядом класс. С первого взгляда она вполне походила на школьную учительницу из провинции. Чуть грубоватый макияж: густые тени на веках и темную губную помаду, крашенные волосы с искусственной завивкой, дополняла недорогая с виду одежда: сиреневый свитер с крупным изображением сердца на груди, выложенного стразами, темные зауженные брюки и слегка потертые кремовые туфли, на шее красовались бусы из крупного искусственного жемчуга.

Люди за партами были взрослыми. Это была разношерстная компания: молодящиеся домохозяйки, седой человек в дорогом костюме, офисные работники, несколько мужчин и женщин с неявными признаками алкоголизма, парочка интеллектуалов и пенсионер с таксой.

– Приветствую всех на собрании нашей академии, – сказала женщина у классной доски, – если кто из новых посетителей не запомнил, как меня зовут, представляюсь: Я Лолита Ло, седьмой магистр старшего аркана Лунных Магов.

Пятнадцать человек клуба наполнили аплодисментами класс, арендованный в вечерней школе, которые эхом отдались в пустых коридорах.

– Напомню, в прошлый раз мы проходили явление реинкарнации и ее роль в становлении Лунного Мага. Кратко напомню: суть лекции сводилась к тому, что наша телесная оболочка – это всего лишь ограничитель сознания, возникающий для того, чтобы развить его определенные свойства, и, так сказать, расширить диапазон. К примеру, чтобы исправить и сформировать осанку ребенка, его помещают в корсет, так и развивающийся разум помещается в тело. Те из вас, кто не был на прошлой лекции, могут спросить: «Почему же мы не помним своих прошлых воплощений?» Ответ прост: наш разум, или, если угодно, можно назвать его душой, намного сложнее и гибче, чем нам кажется, и в виде материальной оболочки выполняет определенную функцию», – последнее слово она произнесла по слогам.

Раздались жидкие аплодисменты, но Лунный маг жестом остановила их:

– Наше тело, и мозг, в частности, являются, по большому счету, лишь координатой сознания, которое не находится в каком-то определенном месте; просто таким образом мы обозначаем себя в нашем измерении. Кто-нибудь из тех, кто был на предыдущих лекциях, скажет, через что космический разум выражается в человеческом обличье?

Женщина в классе подняла руку.

– Да, Елизавета?

– Воплощение на Земле, так же, как и на другой подобной планете, является проявлением воли, – сказала женщина и добавила, – об этом еще Шопенгауэр писал.

– Совершенно верно, посвященным известно, что Артур был Лунным магом, но иногда не выдерживал и делился тайными знаниями. Только я внесу уточнение: воля может проявлять себя как со знаком плюс, так и минус. Все зависит от того, насколько выполнены задачи ваших предыдущих жизней.

– А каковы задачи? – поднял руку молодой офисный клерк.

– Задачами живого существа, если грубо объяснить, является развитие и самопознание в правильном кармическом поле. Ограничивая себя тисками телесности, истинная, космическая личность пытается, выражаясь метафорически, выковать себя по частям. Понимаете, да? Одели брекетсы – выпрямили зубы. Так и душа, раз за разом, эволюционирует.

– То есть мы в разных воплощениях можем как бы разделяться? – спросил пенсионер, и такса в его руках тихонько заскулила, – прорабатываем одну часть, а другие ждут в лимбе?

Хороший вопрос, но не лучше ли начать с более важного? Что мы такое вообще? – Лолита Ло сделала многозначительную паузу. С одной стороны, личность – состояние, благодаря чему

мы можем заявить о себе: вот я, например – Лолита Ло, Лунный Маг старшего аркана. С другой, я – это процесс, поток сознания, если хотите: скажем, выпив пару бутылок вина, я буду не совсем тем человеком, которого вы сейчас видите, и в то же время им же. Однако, проспавшись, и еще один день посвятив медитации, я стану прежней. Понимаете, куда я клоню?

В аудитории раздалась смешки.

– Как объяснить, что человек является цельной системой и в тоже время постоянно изменяющимся процессом? Я в семнадцать лет и я же сегодняшняя – одна и та же личность? Так вот, если попытаться объяснить феномен сознания с позиций последних теорий квантовой физики, то оно, как и все явления, имеет волновую структуру. Да-да, мы все являемся вибрациями частиц, которые, однако, не являются прямыми следствиями происходящих процессов! *Post hoc ergo propter!* Парадокс, да? – Лолита Ло торжествующе улыбнулась.

– Простите, но я ничего не поняла, – скромно сказала женщина в неброском темно-синем платье и огромной шалью на плечах.

– Это совершенно нормально, – дружелюбно, но с некоторой грустью, сказала лектор, – ах, если бы понимание нашей космической сущности было возможно по щелчку пальцев. Вот, например, для того чтобы стать доктором и чинить наши телесные оболочки, необходимо учиться лет шесть-восемь. Для становления Лунного Мага требуется намного больше усилий разума и духа, и далеко немногие смогут принять на себя это бремя. Сегодня мы делаем первые шаги в этом направлении. Первоначальная практика, необходимая человеку, ставшему на путь Лунного Мага – регрессия прошлой жизни. Потихоньку, раз за разом, мы должны вспомнить свои прошлые воплощения.

– Не хотел бы я узнать, что в прошлой жизни я был жуком, – то ли серьезно, то ли шутя, заявил молодой человек с обесцвеченными волосами.

– Если отбросить возможный сарказм, – парировала Лолита Ло, – это знание является необходимым для понимания бытия за пределами вашего земного пути. Лунная Магия есть управление кармическими волнами и, если вы не готовы взглянуть на себя в предыдущих воплощениях, значит, вы не готовы проникнуть под видимую оболочку окружающей действительности. Теперь вопрос к тем, кто был на прошлых занятиях: вы помните домашнее задание?

Раздалось несколько скромных «да».

– Поясняю, для тех, кто в первый раз: заданием было с помощью медитации, вспомнить свое предыдущее воплощение и записать воспоминания. Мы проанализируем их и попытаемся отличить память о прошлых жизнях от так называемых ложных воспоминаний. Есть здесь те, кто выполнил задание?

В классе возникла неловкая пауза.

Лолита Ло окинула аудиторию наметанным взглядом.

– Елизавета, – сказала она, – пожалуйста, выходите к доске.

Худенькая женщина в очках, лет за сорок, поднялась со своего места и вышла к доске. В руках у нее были несколько листов бумаги, а руки дрожали. Елизавета то и дело поправляла темные жидкие волосы, слегка тронутые проседью, и разглаживала складки на бедрах скромного синего платья.

– Лизочка, не стесняемся. Каждый, – я повторю, – каждый, кто пойдет по пути Лунного Мага, раскроет тут свои воплощения.

Женщина поправила очки, долго перебирала бумаги, складывая их в определенном порядке, а затем, выдохнув, начала:

– Я...я была графией...

В классе послышались редкие смешки, отчего женщина смущенно замолчала.

– Так, уважаемые слушатели, попрошу относиться к выступающим с полной серьезностью и уважением. Да, зачастую, когда люди помнят себя особами знатными или известными, это является признаками ложной памяти или работы воображения. Но подобный опыт мы тоже

обязаны рассматривать. Также отмечу, что вероятность быть знатным человеком не исключена аб-со-лютно! Лизочка, не смущайтесь, говорите все, что помните, чувствуете, мы очень внимательно Вас слушаем.

Я графиня, – с неожиданной уверенностью сказала женщина. – Я помню день, всего лишь один день. Была война. Лет десять назад. Там погиб мой муж. Но в то утро меня волновал другой мужчина. Я влюблена в него – страстно, болезненно. Он – опальный граф. Я знаю, он убил на дуэли важного человека, и его разыскивает жандармерия. Я жду его. В то утро я не пошла в церковь. Я шла на псарню. Русские борзые – моя страсть. Их шелковистая шерсть, их мокрые носы, утыкающиеся в мои ноги, успокаивают меня больше, чем молитва. Я нервничаю: псарь и горничная получают затрешины. Начало апреля. Что-то рано распускаются почки на деревьях. Я помню дубовую рощу и самый большой и дуб. Я вспоминаю, как маленькой девочкой я убегала от нянечек и гувернанток и оказывалась под кроной своего древнего, молчаливого друга. Мне казалось, что ветер в его листве нашептывает мне забытые тайны, внимательно записанные в кольцах древесины. Много лет спустя я посвятила своего понимающего и прощающего друга еще в один секрет: там, под деревом, я впервые отдалась графу со страстью, которая до сих пор эхом отдается в моих чреслах. На коре древнего дерева отметина: «ОН ОК навечно», – это наши инициалы, мой возлюбленный вырезал их перочинным ножом, пока я лежала обнаженной прямо на траве. В этот момент рассказа из-за парты нервно приподнялся худой человек небольшого роста, со смешными, оттопыренными ушами, но затем сел обратно, напряжено ссутулясь.

– Мысль, что на меня смотрит еще кто-то, пусть даже старый дуб, возбуждала мое воображение, – продолжила Елизавета.

Лолита Ло два раза искусственно прокашляла в кулак, подавая рассказчице своеобразный знак, но та как будто не слышала ее.

– Я помню все тысячи поцелуев, с ног до головы покрывающих мое тело.

– Лизочка, простите что прерываю, давайте опустим интимные подробности, ведь они не очень относятся к теме нашей встречи, – мягко заметила Лунный Маг.

– Да-да, простите, – смутилась рассказчица, – Я просто хотела... тот день. Я наблюдала, как солнце входит в зенит. Мое сердце колотилось, и чуть не выскочило из груди, когда я заметила приближающиеся дрожки. Как я хотела его, желала его! Его глаза, его крупные бедра, его руки – они чудились мне ночами, проведенными в одиночестве. И вот дрожки подъехали. Помню, как кучер гаркнул на лошадь. Невидимый свет звезд пронзил пространство имения многочисленными лучами, когда сапоги моего возлюбленного ступили на грязноватую дорогу. Моя душа, как рвущаяся из клетки на свободу голубка, готова была выскочить навстречу ему, но граф был столь болезненно бледен, столь холоден был его взгляд, что мой пыл рассеялся, как горсть песка, брошенного о стену. Он напоминал вампира из бульварных романчиков: бледный, осунувшийся, с темными кругами под глазами. Я вижу огромный дуб. И эти слова! «ОН ОК навечно». Я слышу звуки любимого голоса, но они оглушают меня, как будто звук гигантских колоколов прорывается из преисподней! – «Мы не можем быть вместе. Я не могу рисковать своей жизнью», – сказала Елизавета, как бы передразнивая, – Я сказала ему, что он и есть моя жизнь, тогда... тогда он ответил, что не любит меня! – По щеке графини скатилась слеза, – Эти слова, мерзкие, гадкие, отвратительные слова, до сих пор звучат у меня в ушах. Лучше бы я не помнила их!

Возникла пауза, и Лолита Ло взяла слово.

– Травматизм при реконструкции своих прошлых жизней – явление для Лунного Мага норм-аль-но-е, я бы даже сказала, неизбежное. В плане развития Лунного Мага происходит феноменальная вещь: тело, как ограничитель души, которую в современной, примитивной интерпретации мы понимаем как психику – страдает от кармических событий, но воля

Мага становится сильнее и структурно сложнее. Мы остановимся подробнее на этом вопросе. Лизочка, у Вас все?

– Было кое-что еще. Тот дуб. Невыносимые воспоминания. Я приказала срубить его! Помню двух здоровенных мужиков: потных, в просторных рубашках, с топорами в ручищах, – рассказчица раздвинула ладони, чтоб показать размер мужицких рук. – Рубили долго. Мне казалось, целую вечность, и вместе с дубом, во мне, мучительно агонизируя, умирало то великое чувство, что придавало смысл моему воплощению. – С некоторой торжественностью закончила Елизавета.

Худой человек с оттопыренными ушами, уже подававший признаки волнения во время рассказа, вдруг мучительно застонал, отчего окружающие устали на него с испугом.

– Валерий, правильно? – невозмутимо обратилась к нему преподавательница.

– Да... я, – он глубоко дышал, пытаясь что-то выговорить, – я вспомнил...

– Что Вы вспомнили? Садитесь, Лизочка.

– Я. Был. Тем. Дубом.

– Валерий, я Вас прерву, – вмешалась Лолита Ло, почувствовав неладное, – Хочу обратить внимание вот на какой феномен: дело в том, что, в реинкарнации действует правило постепенности. Скажу сразу: исключения в этом правиле возможны. Но, как правило, человек, в редких случаях, в следующем воплощении, может стать растением или деревом, потому как фундаментально разные типы ограничения истинного, внеобъектного сознания, какими являются животные и растительные оболочки, в данном случае попросту неэффективны! Трансформация из растительного тела в животное – наиболее редкое явление из возможных. Хотя вы сейчас будете удивлены, но растения ближе к единому разуму, они, если грубо сформулировать – всегда в нирване.

– Вы не понимаете, – продолжал Валерий, – Я существовал века, десятилетия. Брошенный провидением в лоно Земли, я впитывал время своими кольцами, со скрупулезной точностью архивариуса я записывал каждый восход и каждый закат солнца; каждый снегопад, каждый дождь хранились в памяти моих корней. Вы! Вы все никогда не поймете, что это такое – существовать! Суетливые, самодовольные приматы, чьи жизни сгорают как спичка! Но даже во время этих кратких нелепых вспышек вы умудряетесь сжигать все величественное, приближенное к вечности, едва только коснетесь этого!

– Что здесь происходит? – взволнованно спросила слушательница с дальней парты.

– Так, давайте все успокоимся, – сказала Лолита Ло, – шок от воспоминания прошлых воплощений – явление частое, и надо относиться к этому спокойно и разумно.

– Спокойно?! – взревел Валерий, – Вы знаете, что такое потерять листья и ветки, лишиться ствола? Когда тебя лишают тысяч конечностей, и корни медленно погибают в темноте? А вместо этого ты получаешь дрожащие, шелудивые руки! – Он с отвращением посмотрел на свои руки. – Из-за сексуальной прихоти, которую кое-кто назвал любовью, я вынужден жить во всей этой животной суете. И видеть, чувствовать, как в замедленной съемке, как ко мне, высокому, могучему, несущему на себе тысячи своих детей, своих продолжений, приближаются эти потные, бородатые мужики с коллунами. Что они сделали с моей плотью, хранящей солнечный свет и помнящей свет звезд? Пустили на новую дверь, наделали бочек?

– Прошу прощения, Валерий, сядьте!

Мужчина сел на стул и опустил взгляд. Он весь дрожал.

– Как бы это не было тяжело, но все, что происходит с нашим духом, это нормально! И я призываю каждого, кто практикует воспоминания о прошлых жизнях, проявлять волю и собранность. Лунный Маг – это не только носитель знания и мудрости, но человек отважный и ответственный. И Вам, Валерий, необходимо стремиться к этому.

Из-за парты встала семейная пара.

– Мы, пожалуй, пойдем, до свидания, – сказал муж и потащил жену к выходу.

– До свидания, – вздохнула Лолита Ло.

Валерий в упор смотрел на Елизавету и та, чувствуя его взгляд, поеживалась и косилась на неожиданного участника ее любовной истории.

– Простите, мне нужно уйти пораньше, – тихо сказала она, подняв руку.

– Конечно, Лиза, – сказала лектор, чувствуя, что занятие вышло скомканным, – мы, с вами, – обратилась она к аудитории, – тоже будем потихоньку заканчивать.

Елизавета вышла на улиц, у и ее псевдоним тут же потерял смысл. Она одела наушники, включила музыку и закурила сигарету. «Драм энд бейс» заглушил звуки вечернего города.

Женщина шла по улицам, выдувая табачный дым в небо и улыбаясь. Впереди мерцающая вывеска бара.

– Сто грамм виски.

– Эмм, хорошо, только у нас курить нельзя, – сказал бармен.

– Простите, – широко улыбнулась недавняя графиня, затушив сигарету о каблук, и положила окурки на стойку.

Выпив виски в два глотка, она положила на стойку бара пятисотрублевую купюру, не дожидаясь сдачи, вышла на улицу.

Прохладный апрельский воздух и сигареты приятно радовали легкие. Женщина шла по городу без конкретного направления. Увидев круглосуточное кафе, она зашла туда, заказала кофе и пирожное и открыла томик со стихами Оскара Уайльда; определенно эта ночь была проникнута невидимыми струнами, задевая которые, само время начинало вибрировать, становясь густым и бархатно теплым. В такие моменты ночи можно быть кем угодно: машина разочарования своим точным, механическим взглядом не может проникнуть в эту зыбкую атмосферу декаданса, в которой сегодня властвует она – графиня. Если бы можно вот так существовать в вечности, в виде призрака, заблудившегося в одной единственной ночи.

«А, может, я уже призрак», – подумала она, покидая кафе, – «Нет, чувствуется холод».

Эта мысль рассмешила женщину, и она хрипловато расхохоталась, выпустив в утренний туман струйку табачного дыма.

– Вам смешно? – послышался голос за спиной.

Графиня вскрикнула от неожиданности и тут же превратилась в обычную испуганную женщину.

Перед ней стоял тот самый невысокий мужчина с торчащими ушами, что мнил себя древним дубом.

– О боже, Вы меня чуть с ума не свели! – воскликнула она и добавила холодным голосом, – Вы что, преследовали меня?

– Мне. Нужно. Поговорить. – заметно нервничая, сказал мужчина.

– Господи, о чем?

– О том месте. Где срубили дуб.

– Послушайте! Послушайте меня внимательно. Лолита Ло, псевдоним аферистки, которая открыла школу Лунных Магов, чтоб вытягивать деньги с наивных людей. Я это прекрасно понимаю, но хожу на занятия для развлечения. Мне нравится фантазировать в обществе людей, которые верят во всю эту чушь про прошлые жизни, астральные путешествия и невидимые энергии. Я все вы-ду-ма-ла! – Мнимая графиня передразнила манеру преподавательницы говорить по слогам.

– Вы лжете, – побледнев, прошептал Валерий.

– Если бы. Я – одинокая, немолодая, и не совсем счастливая женщина. Подобные мероприятия позволяют мне забыться, взглянуть на жизнь по-другому. Если хотите, это меня опьяняет. Но если Вы думаете, что я помню что-то из прошлых жизней, или хотя бы в них верю, то простите, Вы просто глупы.

– Но я помню... помню! Это гложет меня. Вы представить не можете, что такое стать человеком после того, как вы имели корни. Убогая оболочка, в которой ты всегда один. Дуб же понимает язык растений, быть им – все равно что быть всем лесом! Вы опошлили мою жизнь своими мелкими чувствами, зачем вы это сделали?

– Вы пугаете меня – уходите. Все эти прошлые жизни – чушь.

– Мое тело думает иначе, оно попросило у меня эту метку, оно ее помнит!

– Что Вы имеете в виду? – Елизавета начала потихоньку пятиться.

Валерий закатал рукав и показал ей, – на его глазах выступили слезы.

Волна ужаса охватилась женщину: на предплечье была вырезана аббревиатура «ОН ОК». Рана была совсем свежая и кровоточила.

– Вы видите это?! Это мои стигматы. Я погиб за Ваши грехи.

Графиня, стараясь не привлекать внимания, открыла сумочку.

– Корни чувствуют лес! Растения и насекомые – вот настоящие дети природы. В идеальном мире вас не будет. Быть человеком – все равно что потерять все органы чувств. Истинный, невыразимый язык деревьев заменяется словами. Они искажают природу вещей: это как будто тебе на голову надели полиэтиленовый пакет. Вы, люди, считаете, что вы самые разумные, венец творения?

– Я вообще не верю ни в какое творение. Что Вам от меня нужно? – женщина достала сигарету из пачки и закурила.

– Четыре столетия я впитывал минеральные соки, мои листья питались фотонами Солнца. Опять эти слова, слова, слова! – он схватился за голову, – Когда что-то называешь, это становится ложью! Вы не знаете, не помните, что значит потерять пуповину, связывающую с землей. Ваши тела – тюрьмы для галактических преступников, и полиция уже выехала! То, что для нас, деревьев – дом, для вас, – исправительная колония. Но вы не хотите меняться! Недели, все как один, на головы пакет с клеем, и живете в эйфории. Вечно пытаетесь насладиться другом. Вся хваленая культура – жалкие попытки оправдать свое стремление давить на педаль удовольствия. Поехали! Звезды возникали и гибли ради ваших оргазмов, ради вашего самолюбия. И Вы! Вы посмели вырезать ложь на моей коре, – мужчина снова показал надпись на запястье.

– То есть, Вы не ок? – попыталась пошутить Елизавета, хоть и была напугана.

– Я почти понял смысл жизни, когда появились эти потные, вонючие крепостные. Во имя своих иллюзий вы готовы уничтожить все что угодно – жалкие, самодовольные существа. Почему вы думаете, что второе пришествие случится в виде человека?

– Да какое, мать вашу, второе пришествие? Мы – ошибка природы, и разум, которого у Вас немного – атавизм: от него можно страдать или получать удовольствие, как уж Вам угодно. Возможно, гораздо лучше родиться дубом, но поймите одно, какие бы проблемы Вы не испытывали, я тут ни при чем.

– Вы не понимаете, – засуетился Валерий, – я покажу Вам, что такое быть человеком, помня о своей жизни дуба, – он достал из кармана пластиковый пакет, на котором красовалась реклама супермаркета, – наденьте это!

– Послушайте меня, уважаемый, это уже слишком, – попятилась женщина.

– Вы претендуете на управление тонкими материями, собираетесь стать Лунным Магом и сопротивляетесь маленькому эксперименту? – наступал Валерий.

Елизавета достала томик Уайльда из сумочки.

– Вот, смотрите, – это наши корни, мы можем делиться переживаниями прекрасного или грустного через столетия. Даже в своих кратких жизнях мы можем произвести нечто такое, что будет обладать светлой аурой.

– Вот, – ответил, приближаясь и расправляя пакет, Валерий, – примерьте эту тонкую ауру!

– Не подходите ко мне.

– Не убегайте от меня.

Елизавета бросила томик Уайльда под ноги Валерию и, выхватив из сумочки газовый баллон, выпустила уверенную струю перцовой субстанции ему в лицо.

Мужчина застонал и, схватившись руками за лицо, рухнул на колени.

– Только водой не мойтесь пару часов, будет еще хуже, – сказала она и ушла, оставив после себя лишь эхо своих шагов.

Держась руками за лицо, Валерий поднялся и зашагал, шатаясь, в непонятном самому себе направлении.

– Как!? – простонал он.

Раздался визг тормозов, и автомобиль на полной скорости ударил Валерия, отбросив его на обочину.

– Несчастный случай, – сказал молодой темноволосый полицейский.

– А тебя не смущает, что на его лице обнаружены следы перцового баллончика, и эта странная надпись, вырезанная на руке?

– Смущает, но, судя по всему, он сделал ее сам, при нем был перочинный нож со следами его крови.

– Но баллоном-то он не сам себе брызнул в лицо?

– Скорее всего, обычные хулиганы.

– Однако бумажник на месте.

– Не думаю, что это спланированное убийство: пострадавший был безработным и жил с матерью всю свою жизнь.

– Ну, это не совсем убийство, он же не умер.

– Врачи говорят, что его мозг не восстановится, пострадавший остаток жизни проведет, что называется, «овощем». Наверное, лучше уж умереть.

Пожилый полицейский долгим взглядом посмотрел на напарника.

– Что? – спросил молодой полицейский.

– В бумажнике и карманах пострадавшего обнаружены дубовые листья.

– Ну, мало ли, может он собирал гербарий? Хобби, знаешь ли.

– Что-то с этим случаем не так, – пожилой полицейский покрутил ус.

– Черт, не по себе мне как-то. Бывает у тебя такое невыразимое чувство, что вроде нормально все, а внутри как будто сжимает?

– Не припомню такого.

– Слушай, у меня тут немного коньяка есть, давай по маленькой, а?

– Ты что, я же за рулем.

– Мы же полицейские, разок, в виде исключения, сбивать никого не будем.

Седой полицейский помолчал:

– Ну если это для тебя так важно, давай.

Иногда, в исключительно редких случаях, только в случае психологического кризиса, полицейские пьют за рулем.

Бонни и Клайд

Клайд лежал на кровати, положив голову на грудь Бонни. У нее нежная кожа и медленное дыхание. А он, Клайд, часто дышит, видимо, в силу возраста – и весь покрыт волосами.

«Это потому, что у тебя тестостерона больше, чем у кого бы то ни было», – посмеивалась иногда девушка и трепала по щеке своего возлюбленного.

Как он любил ее редкие прикосновения, мягкий голос. В такие моменты у Клайда падали все собственные мысли – он превращался в неудержимый поток энергии, луч далекой звезды, пронзающий бесконечность с максимальной скоростью, чтобы однажды, преодолев атмосферу и оконное стекло, упасть на обнаженное тело Бонни мягким и теплым утренним светом. Когда плоть соприкасается с плотью, исчезают все противоречия. Какое имеет значение, что Бонни – умная, а он – нет? Она красивая, а он странный, и вообще она не совсем Бонни, а вот он – Клайд. Дарья Доронина взяла себе псевдоним известной американской преступницы, состоявшей в романтической связи со своим поделщиком, потому что она... – беспринципная аферистка. Но Клайду на это наплевать. Бонни-Дарья находится вне морали, она отличается от других представителей своего вида больше, чем лобстер от добермана. Клайд любил ее красоту и грацию, не заморачиваясь на вопросах морали. Разве пантера, убивающая козлю – аферистка? Черная вдова, пожирающая самца после совокупления – подлее суда присяжных?

Клайд аккуратно, чтобы не разбудить, приподнялся над точеным телом Бонни, наслаждаясь его изгибами и упругими формами. Маленькая грудь с розовыми торчащими сосками, тонкая талия, мускулистые ноги спортсменки, с маленькими коленками и узкими лодыжками, – рождали в теле любовника импульсы такой силы, что хватило бы на две Хиросимы. Темные волосы девушки, раскиданные по подушке, пахли так, что в носу становилось горячо. Клайд не выдержал и несколько раз лизнул грудь Бонни. Ее нежное тело отреагировало элегантным утренним потягиванием.

– Клайди, крошка, я же просила не будить меня.

Любовник молчал. Он прекрасно знал: Бонни будет вне себя, если он издаст хотя бы один звук. Но механизм удовольствия был запущен, и девушка, не открывая глаз, погладила свое тело, словно убеждаясь, на месте ли оно этим утром.

– Полижи мне, – сквозь сон простонала она.

Клайд рьяно начал ласкать девушку, наслаждаясь ее запахом и звуком учащающегося дыхания.

– Не так быстро, малыш. Сегодня не то утро, когда хочется быстрого оргазма.

Клайд сменил ритм.

– Знаешь, мне приснился странный сон. Мы сидели в парке теплой ночью, и ты разглядывал полную Луну и, как всегда в такие ночи, слегка грустил. Тишина стояла такая, что можно было слышать пролетающие в соседних галактиках кометы. Помнишь, сиделец Данила, ну, специалист по интернет-махинациям, рассказывал, что в космическом вакууме свой вид звука, только надо научиться его слушать. Да, вот так, чуть повыше! О, да, ты просто чудо! Мы едим бургеры, твои любимые. Звезды сияют, хоть и небо ясное. Понимаешь, во снах это возможно, когда сочетается несочетаемое. В жизни так быть не может, а во сне – пожалуйста! Пожалуйста! Вот так! Клайди! И ты говоришь, представляешь, ты говоришь мне: «Бонни, крошка, мы тут совсем засиделись. Индустрия страданий, конечно, производит вкусную еду, но что-то мы тут засиделись. Мелким мошенничеством можно заниматься сколько угодно, но это не избавит от сплина, – а он тут у всех разумных обитателей. Может, махнуть на Юпитер? Жуткая радиация, но первоначальный суп для зарождения жизни там как все равно, что Том Ям Кай по сравнению с кислыми щами. Представляешь, если дать ему настояться несколько милли-

онов лет, какие подонки созреют в нем»? Мы оба скучаем по большим пространствам. Тесные обиталища поумневших приматов, пропитанные лживым уютом, угнетают нас, свободных и беспринципных, и опиум с кофе по воскресеньям – не выход.

«А потом, – говоришь ты, – мы совершим паломничество в созвездие Ориона и устроим добротную оргию с эфирными праведниками: они в этом толк знают». Да, мой хороший, еще вот так делай! Пора улетать, я знаю. Бессмысленно ждать, когда погаснет Солнце!

Бонни-Дарья переворачивается, встает на колени и раздвигает ноги.

– Войди в меня, Клайд, дай мне почувствовать себя живой!

Время пришло, Клайд устраивается сзади и развивает бешеный темп. Бонни это любит, в такие минуты она горячее всех звезд.

– Нам нужно выучить новый, универсальный язык космических обитателей, и тогда мы сможем стать единым целым.

Те, кто разговаривают на лживом языке людей, остаются космической пылью с невысоким сроком годности! Все они, мужчины и женщины, исчезнут из времени и пространства: адвокаты, предприниматели, разработчики интернета, страховые агенты, фармацевты и повара. Еще! Кончи в меня, не думай о моем удовольствии, не слушай меня!

Клайд двигается так, как будто его разгоняет вся смертельная радиация Юпитера и вдобавок раз в столетие пролетающая комета.

– Будь моим плохим мальчиком, негодяем и беспринципным подонком. Жестче! Чтоб я забыла все слова. Преврати меня в тупую похотливую ссучку, кусок оргазмирующей материи, язык ритма и пульса. Я конча-а-аю!

Девушка издала вопль наслаждения. Бонни и Клайд испытали одновременный оргазм.

Некоторое время любовники лежали молча.

– Я обожаю твой запах, – призналась Бонни, – но я не могу его оставить на себе, мне еще нужно сегодня кое-кого соблазнить. Дела, Клайд, дела. Ты же знаешь, что все ради нас. Жди, я в душ, и будем завтракать.

Это нормально, что Бонни занималась сексом с другими. Так было надо. Клайд в это время тихо сидел в своей комнате, в которую кроме него и Бонни всем было запрещено входить. Клайд не испытывал ревности, даже если ему казалась, что прекрасное тело возлюбленной содрогается в сладких муках удовольствия, а его нет рядом. Такова ее природа, но любит она, без всяких сомнений только его – Клайда.

На завтрак была любимая мраморная говядина средней прожарки. Девушка никогда не скупилась на качественные продукты. Клайд благодарно уписывал пищу.

– Ешь медленнее. Я все понимаю, но этикет никто не отменял, – Бонни потрепала возлюбленного за ухо, – мне нравятся изысканные мужчины, ты же знаешь. Жаль, что ты не любишь хороший парфюм, но мелкий изыян лишь придает тебе харизмы, – смеялась девушка.

В дверь позвонили.

– Что за черт? Я никого не жду, – взволнованно сказала Бонни и накинула прозрачный халат, – малыш, на всякий случай, – девушка указала на дверь маленькой комнаты, куда Клайд послушно переместился.

– Кто там?

– Это я, Виктор.

– Господи, Виктор, как ты нашел меня?

– Дарья, я предупреждал, что смогу найти тебя хоть в Катманду.

– Не называй меня так, ты знаешь, как я ненавижу свое имя.

– Хорошо, Бонни, так ты мне откроешь дверь?

Щелкнул замок. Сквозь щель приоткрытой двери своей комнаты Клайд рассмотрел высокого мужчину, одетого в длинное твидовое пальто, не по погоде, но по последней моде. Заломленная набок шляпа. В руках букет роз.

– Это тебе, Бонни, – сказал гость.

– Виктор, ты прекрасно знаешь, что я не люблю цветов, – нет ничего глупее, чем погубить растения в самом расцвете сил и принести девушке связку трупов, как символ нерушимости своих мимолетных чувств.

– Дорогая, я знаю, что ты предпочитаешь деньги. Напомню тебе, что ты ограбила меня и исчезла. Поверь мне, это уникальный случай, когда я прихожу к человеку, который что-то у меня безвозмездно взял, с цветами. В иных случаях я беру совершенно другой предмет.

Клайд почувствовал новый, малознакомый запах страха, исходивший от девушки.

– Ты лгал мне. Я думала, что люблю тебя, а ты оказался совсем не тем, кем представился. Что оставалось делать девушке, которой тоже надо как-то жить?

– Бонни, лжешь сейчас ты. Но мне все равно. Я смирился с твоей бесчувственной и жестокой натурой, с разрушающим рационализмом. И понимаю, что мое сердце никогда не попадет в такт с твоим, потому что ты безнадежно застряла в другом измерении, и код от этой двери ты никому не скажешь. Но что, если я буду заботливо и упорно подбирать его, охраняя двери с верностью сторожевого пса?

Я пришел к тебе, потому что меня терзает глупая и бессмысленная надежда. Ты нужна мне, даже если ты будешь красть мои деньги, нужна, если будешь плевать в мое сердце, презирать и ненавидеть меня. Потому что весь опыт моей жизни, сделавший меня опасной акулой, – ничто по сравнению с тем, что я испытываю к тебе. Только с тобой я чувствую себя настоящим, а все остальное – нелепый сон. Я люблю тебя, Бонни.

– А я люблю другого! – выпалила девушка.

Виктор нахмурился, но затем рассмеялся.

– Бонни, детка, ты не способна никого любить.

Мужчина безудержно хохотал, а Клайд через приоткрытую дверь видел, как помрачнело лицо возлюбленной.

– Да что ты обо мне знаешь, глупый самоуверенный тип!

– Дорогая, я знаю о тебе гораздо больше, чем бы тебе хотелось.

Бонни сжалась, а запах страха усилился.

– Ты помнишь, как обчистила сейф одного предпринимателя, накачав его клофелином? Понятно, ты не виновата. Откуда тебе было знать, что у бедняги слабое сердце.

– Что за...?

– А как ты полоснула по вене окуренному музыканту? Та песня про тебя, конечно, редкая безвкусица, но... Ты хоть знаешь, что он всего двести метров не дотянул до больницы?

– Хватит!

– Хватит? А то у меня еще кое-что еще на тебя есть.

– Как ты узнал?

– Мне было очень любопытно.

– Послушай, мне жаль, что так у нас так с тобой получилось. Я прошу прощения, что взяла твои деньги, мне не хотелось этого делать, но у меня были проблемы. Обещаю все вернуть.

– Бонни, Бонни, Бонни, если бы мне нужны были эти деньги, то я бы попросил кого-нибудь другого навестить тебя, – Виктор бросил букет на кухонный стол. – Ты вообще слышишь меня? Я тут для того, чтобы сделать твоими проблемы своими.

– Ты привык получать все, что захочешь, да? Посмотри на себя – тебя интересуют только собственные желания. Если ты сделаешь меня своей собственностью, то через некоторое время не будешь чувствовать разницы между мной и новым телевизором.

– Возможно, ты и права, но с тобой все будет не так. Ты будешь единственным феноменом, в котором я никогда не буду сомневаться, как верующий фанатик не сомневается в существовании Бога. Дарья... Бонни, ты станешь моей женой?

Гость извлек из внутреннего кармана коробочку, открыл ее и протянул девушке. Клайд напрягся, почувствовав, как надпочечники любимой выбросили изрядную порцию адреналина. Запах страха сменился запахом жадности.

– Боже, это прекрасно, – прошептала девушка.

– Бриллианты по-прежнему лучшие друзья девушек, – усмехнулся мужчина, – только теперь джентльмены предпочитают брюнеток.

Дрожащей рукой Бонни взяла кольцо и повертела его в пальцах, любуясь игрой света на гранях.

Глаза Клайда наполнились слезами. Свет чужих, враждебных звезд проник в драгоценный камень и отразился в глазах любимой. Паразиты с Урана столетиями шлифовали этот шедевр, чтобы однажды он превратился в оружие, затмевающее разум. Враждебная углеродная форма – статический вирус, стабильный настолько, что является насмешкой над любым смертным. Заключенный в клетку оправы, этот камень сам является ловушкой для разума.

«Бонни, не делай этого, не смотри на камень. Я свет, который тебе нужен. Оставь этот продукт пожирателей графита!»

– Я... Виктор, я.., – девушка посмотрела мужчине в глаза.

Клайд в отчаянии завертелся по комнате и уронил с журнального столика кофейную чашку. Звук разбитого фарфора, казалось, был эффектнее разорвавшейся гранаты.

– Кто у тебя там?! – спросил Виктор и достал пистолет.

– Там К-клайд.

Сняв оружие с предохранителя, мужчина распахнул дверь в закрытую комнату. Клайд внимательно посмотрел в глаза незнакомцу, не отводя взгляда даже тогда, когда тот направил на него оружие.

– Убери, – сказала Бонни.

Виктор усмехнулся и опустил пистолет.

– Бонни и Клайд, смешно.

– Я люблю его.

– Ответь мне на вопрос и, возможно, я тоже его полюблю.

– Я люблю его. Он будет жить с нами.

Виктор обернулся и смерил Клайда коротким презрительным взглядом.

– Он вроде как в возрасте, я готов потерпеть его пару лет.

– Хорошо, – Бонни опустил глаза.

– Я все еще жду, – как можно мягче сказал мужчина.

– Виктор, я буду...

В этот момент Клайд издал стон, в который он вложил все свои чувства и страхи. Бонни взглянула в его глаза, и Клайд снова застонал. Связь установлена. Статичный углеродный вирус на мгновение потерял свою силу.

– Я буду откровенна, – продолжала девушка, отдавая кольцо незваному гостю, – наш брак невозможен.

– Хватит строить фигуры, я серьезно спрашиваю.

– Ты сильный, влиятельный и непохожий на других, Виктор. Но проблема во мне: хоть мы с тобой и похожи по многим признакам. На самом деле, если заглянуть вглубь оболочки, – мы разные биологические виды.

– Бог с тобой, Дарья.

– И там, внутри меня, нет Дарьи, только Бонни, а ты видишь лишь оболочку, потому что твой вид не способен смотреть вглубь – ты слеп, как крот.

– Зато у меня хороший слух, – попытался пошутить Виктор.

– И знаешь что? Ты мне отвратителен. Не потому, что ты сделал что-то плохое, нет. Просто тот тип мужчин, к которому ты принадлежишь, для меня все равно, что для человека паразит.

Виктор побледнел и уставился в окно. Клайд почувствовал нарастающую тревогу. Феромонная дисгармония зашкаливала.

Не глядя на Бонни, Виктор выстрелил ей в сердце. Девушка охнула, осела на пол, прильнув спиной к кровати, и тихо умерла.

Материя сжалась в точку и взорвалась зашкаливающей белой яростью, на мгновение ослепившей Клайда. Когда силуэт замершего убийцы проявился на белом поле, Клайд бросился на него и сбил человека с ног. Он впился в горло врага зубами, со всей силой, на которую только был способен. Виктор пытался пристрелить противника, но пули лишь оцарапали Клайда. Он рвал тело убийцы, даже когда оно стало безжизненной мясной тряпкой. Вкус крови перемешивался со слезами. Клайд последний раз взглянул на свою возлюбленную, которая с безмятежным выражением лица сидела около кровати. Если бы не кровавое пятно на груди, можно было подумать, что она просто уснула.

Клайд толкнул незапертую входную дверь, спустился вниз по лестнице и выбежал в открытую дверь подъезда на улицу. Он не знал, что ему делать, и просто со всей силы побежал вперед. И все, кто попадался ему на пути: люди, автомобили, животные – все уступали ему дорогу.

– Видишь? – спросил полицейский с висячими усами, – на, поддержи, – он протянул кольцо своему напарнику.

– Ничего так, – ответил коротко стриженный коллега.

– Эксперт написал заключение, что этот бриллиант стоит целое состояние, он даже приблизительно не берется оценить сколько. Говорит, таких не больше двух десятков найдется.

– Столь громкого дела я еще не видел. Это надо же, легенда теневого бизнеса Виктор Воронин собственноручно застрелил находящуюся в розыске аферистку Дарью Доронину и был загрызен ее ручным псом.

– Как думаешь, что там могло произойти?

– Даже не знаю, может, подстава какая?

– Зачем же тогда кольцо такой ценности оставлять? К нему имелась подарочная коробка, как будто он ей предложение делал.

– Имея такие ценности, творят невесты что, – стриженный полицейский почесал затылок.

– Может, от них и творят. Ты «Властелин колец» смотрел?

– Ну, давно. А что?

– Давай посмотрим, там хоть все понятно, а то у меня от этой работы крыша едет.

– Давай.

В тот вечер полицейские смотрели фильм на стареньком дивиди.

Экстрасенс

Перед тем, как стать экстрасенсом, Ной Дженкинс, чернокожий уроженец Москвы, работал «испанским узником». Занятие это – известный вид мошенничества, смысл которого заключался в том, чтобы прикинуться известным, или влиятельным человеком, попавшим в трудную ситуацию, который просит жертву немного помочь деньгами, в обмен на хороший барыш. Ной Дженкинс был кенийским послом, саудовским нефтяником, алжирским оптовым торговцем рыбой, и даже американским кинорежиссером, номинированным на премию «Оскар». Последнему не хватало семидесяти пяти тысяч долларов для снятия последней, самой важной сцены фильма: таким образом, обманув доверчивого инвестора, лжережиссер получил капитал, которого хватило на пять лет жизни в Таиланде, в роли маленького островного короля. Но деньги однажды закончились, а тропическое существование набило оскомину, и Ной Дженкинс затосковал по холодам и просторам неприветливой России, той самой надуманной литературной тоской по березам, водке и черному хлебу, которая проявляется только у тех, кто из покинул. Вернулся на родину Ной слегка располневшим, страдающим от последствий сытой, беспечной жизни, где он успел приобщиться к гашишу и алкоголю, растратив изрядную часть азарта и алчности. Опасную профессию «испанского узника», Ной сменил на специалиста по тонким материям – экстрасенса, точнее бокора, название, заимствованное у последователей культа вуду: так называли жреца, практикующего черную магию. Денег подобное занятие приносило немного, но зато о контактах со сверхъестественными сущностями, снятии порчи, наложении проклятий и прочих мелочах в уголовном кодексе было написано весьма туманно, а это не могло не радовать уставшего от праведных трудов человека.

– Я связываться с дух Вашей жены, – Ной уверенным движением зажигает ароматическую свечу и включает на кассетном магнитофоне запись – сборник различных звучаний этнических барабанов.

Использование на сеансах магнитофона – устаревшего звуковоспроизводящего устройства, давно не использующегося в цивилизованных странах – ноу-хау Ноя Дженкинса. По его мнению, это придавало магическим действиям особый вкус, позволяющий экстрасенсу выглядеть наиболее правдоподобно в глазах клиентов: менеджер в мире духов должен отставать от технического прогресса, имея в своем арсенале древние, проверенные инструменты. К инструментам также относились: высушенные кроличьи и куриные лапки, искусственный череп, чучело совы, ароматические свечи и палочки, амулеты, перстни и вольты (куклы вуду), мусульманские четки, банки с тушками крыс и лягушек, которых Ной бальзамировал сам.

– Она приходит ко мне во сне, пытается что-то сказать, – говорит хлипкий, лысеющий мужчина в дорогом клетчатом пиджаке.

Магия крови. Медиум достает вычурный стеклянный сосуд, наполненный красной жидкостью – крепкий отвар свеклы с добавлением сахара, прекрасно имитирует кровь. Колдун входит в транс.

– Я слышать лоа. Они говорить со мной. – Для создания аутентичного образа, Дженкинс перед посетителями имитировал иностранный акцент, однако духи отвечали на чистом русском.

Клиент нервничает и затравленно оглядывается, видя, как Ной, закатив глаза, контактирует с невидимыми существами.

– Кто здесь? – спрашивает колдун, слегка изменив голос.

– Это я, Лёва, – испуганно отвечает клиент.

– Ты? – колдун издает сдавленное рычание, – как ты смеешь беспокоить меня?

– Я? Да я просто хотел узнать...

– Я в аду. Из-за тебя! Я не должна была умереть так быстро. Ты довел меня, своей слабостью и безынициативностью. Я всегда тянула лямку одна!

– Прости, – пискнул клиент.

– О каком прощении может идти речь, когда застреваешь в вечности? Я никогда не забуду и не прощу тебя. Я приду за тобой, где бы ты ни был, и пожру твою душу, чего бы мне это ни стоило. Потому что, Левушка, я ненавижу тебя всем сердцем. Ты отвратителен и заслуживаешь мести – от тебя не должно остаться даже воспоминаний.

Клиент вскрикнул от ужаса, а колдун сделал вид, что вышел из транса.

– Что случится? – спросил он, пустив изо-рта струйку искусственной крови, для эффективности.

– Она... она угрожала мне, – заикаясь, выдохнул слова побледневший клиент.

– Так бывает. Если человек мучиться в жизни, или быть убит – то может стать злой дух.

– О господи, как теперь быть?

– Дело плохо, опасно. Есть способ. Но тяжело. Запутать дорогу злой дух, к Ваш дух. Дух жены блуждать кругами и не найти. Сложный работа. Много сил, много время.

– Пожалуйста, помогите мне!

Дженкинс задумчиво смотрит в пол.

– Процедура опасный. Я рисковать своя душа, своя жизнь.

– Пожалуйста, – продолжает умолять мужчина.

– Хорошо, я хотеть помочь Вам. Провести ритуал, сделать большая работа. Но мне нужно много специальный предмет – инг-реди-ент! Недешево.

Клиент оставляет наличные и уходит с надеждой на лучшее.

Ной достает из сейфа гамбургер и початую бутылку виски. Время обеда.

Звучит дверной колокольчик. Входят двое: один лысый и кражистый, одетый в джинсовый костюм, другой тощий и жилистый, в кожаных штанах и куртке, с прической как у хоккеистов прошлого, когда волосы отращивали на затылке.

– Я Толстяк, – заявил здоровяк, – а это Малыш, – указал он на своего спутника.

– Называй нас так, – сказал тот, кого называли Малышом, – дело в том, что мы пришли по вопросу, как говорится, конфиденциальному, и, некоторую информацию, такую как настоящие имена, не можем сливать.

– Понимать. Вы желать наслать порча, проклятие? Укорить неприятель?

– Что-то типа того, – уклончиво ответил тощий.

«Опасные люди. Похоже, порчей дело не ограничится».

– Ты должен знать о нашем деле ровно столько, насколько позволят... ну эти – способности Ваши.

– Тут след злые духи, – Ной принялся к чему-то невидимому. Я не хотеть работать с опасный дух.

– Мы сечем, что дельце пахнет дерьмом, но и барыш будет конкретный, – сказал Малыш, и добавил, – такой конкретный, что и с чертями поговорить не запахло.

Колдун задумчиво посмотрел в пустоту, как будто сквозь клиентов и осторожно произнес:

– Вы хотите получить предмет?

– Точно, – обрадовался Толстяк и шепнул напарнику, – я же говорил, что он реальный. Малыш недоверчиво глянул на Дженкинса.

– Откуда ты? Как оказался в этой стране?

– Я родиться Гаити. Мой отец и дед владеть магия. Диктатор Франсуа Дювалье брать под контроль всех вуду. Я бежать в самый большой и холодный страна, где проклятье не пре-

следовать меня, где люди не разговаривать с духи предков. Я хотеть безопасность и помогать людям найти связь...

– Понятно, – оборвал Малыш, – ты тот, кто нам нужен, наш босс не доверяет местным экстрасенсам.

Ной выдохнул. Он не любил, когда клиенты копались в его выдуманной биографии. На самом деле Дженкинс родился в Москве, его отец был метателем копья из Камеруна – запасной игрок, участвующий в Олимпиаде 80-х, который во время состязаний завел интрижку с симпатичной гостиничной горничной – матерью Ноя. Так появился темнокожий плод мимолетной любви, оказавшийся белой вороной в стране белых людей.

– Желать знать, где находится пропажа?

– Да, и как можно быстрее.

– Договор с духи, не тоже самое что купить яблоко на рынок. Нет гарантия.

– Мы нанимаем тебя, господин колдун, – сказал Малыш, доставая из внутреннего кармана увесистую пачку пятидесяти тысяч купюр.

– Лучше называть меня бокор.

Он на глаз отломил треть пачки и протянул Дженкинсу:

– Аванс.

Наметанным глазом колдун насчитал у себя в руке около ста тысяч.

– Если дело выгорит, получишь остальное.

– Такой серьезный дело. Может лучше нанять частный детектив?

– На это нет времени. Если мы не найдем, что ищем, произойдет много нехороших вещей.

Для всех.

– А если духи не быть благосклонны??

Клиенты молча взглянули на Ноя, и взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

– У Вас репутация настоящего профессионала, а у нас нет другого выбора, кроме как доверится твоим способностям.

– Хорошо, – Ной взял деньги, стараясь не выдать дрожание руки, – но для ритуал мне нужна информация: любая, даже самая мелкий деталь давать результат.

Клиенты замялись и переглянулись друг с другом.

– Я, – Дженкинс ударил себя в грудь, – хранить тайна, как все мои предки и уносить их в могила. Но чтобы получить помощь лоа, нужна зацепка, деталь.

– Тема такая. Наш шеф по-тихому толкает товар в определенной местности. Человек он серьезный и уважаемый. Но появились шальные ребята с оружием – торчки залетные. Произошел инцидент: заказали они конкретную партию, все по-людски вроде поначалу, но пришли на точку с волинами, товар забрали, барыгу завалили. Если спустить им это с рук, подобное будет повторяться, а мы люди серьезные, любим порядок. В таком деле нужна помощь человека с определенными способностями.

– За годы практика. Духи ни разу не дать ни GPS координат, ни расписания автобус до место назначения.

– Именно поэтому ты поедешь с нами, – заметил Толстяк.

Ной прикусил язык.

– Я решать проблема свой сакральное пространство, на расстоянии.

– Мы не можем рисковать, вдруг духи подскажут тебе поделиться информацией с полицией?

– О полиции не может идти речь в этих в эти стены, тут действовать закон магия предков, – испуганный Дженкинс попытался изобразить праведный гнев.

– Повторю, ты нанят, – покачал головой Малыш, всем своим видом показывая обреченность попыток решить проблему, не сходя с места.

Любое дело требует правильного подхода и спокойной, тщательной подготовки, это правило Ной усвоил со времен «испанского узника». Если эти растяпы заподозрят обман, ему несдобровать. Кроме как тянуть время, в голову колдуна ничего не приходило.

Магические свечи. Монотонное гудение собственного горла в мнимом ритуальном экстазе. Шипящий звук магнитофона. Что делать? Если выбираешь профессию мошенника, будь готов к внештатным ситуациям. Все люди, хотя бы они того или нет – перевоплощаются и подстраиваются; похоже, в глубокой древности, какая-то обезьяна настолько хотела пожить чужой жизнью и залезть соседу в мозги, что это желание пропечаталось на уровне инстинктов. При-творяются все, так почему бы ни делать это со вкусом и стилем? Как стать колдуном? Нужно услышать голоса, скрытые за воображаемой пленкой того, что мы считаем реальностью. Чтобы искусно обмануть другого человека, необходимо научиться обманывать себя. Лучшие специалисты становятся пророками и духовными учителями. Иногда они могут не догадываться, какие ловкие трюки проделывают с собственным сознанием, такие люди, как хамелеоны – честны с собой, в собственной мимикрии. Боевая раскраска на лицо. Амулеты на шею. Бой барабанов.

Дженкинсу неловко, но он все равно ощущает торжественность момента: возможно, скоро он будет напуган как никогда в жизни, но сейчас на нем незримая мантия прыгуна в бездну.

Незванным гостям передалось состояние колдуна перед битвой, в их глазах он увидел искры немомого восхищения. Ной не знал, жив или мертв его отец, но в мыслях просил его и всех своих предков о помощи. Рука сжимала древко несуществующего копья, забросившего родителя на летнюю олимпиаду, теперь же у этого снаряда была другая цель – преодолеть барьер материального мира и дать знак могущественным духам предков, что их незадачливый потомок попал в беду.

Иглы, ритуальный нож и куклы-вуду размещаются на специальных петлях длинного кожаного плаща. Чтобы скрыть боевую раскраску, бокор обматывает несколько раз лицо бинтом, надевает шляпу и темные очки. Глядит на себя в зеркало. Станный эффект: комичный и одновременно устрашающий. На туповатых бандитов, от которых на расстояние полета пули несет дилетантизм, маскарад производит впечатление.

Дело за малым, осталось выбраться из этой передрыги. Было бы здорово усыпить бдительность нежелательных клиентов и сбежать по дороге. Однако головорезы не отличаются доверчивостью: один идет перед Ноем, другой сзади. Компания погрузилась в старенький Renault Logan, и тот, кого называли Малышом, залихватски дал старт, утопив педаль в пол.

Рейд начался с зоомагазина, где, по требованию колдуна, был куплен жертвенный петух, который своей жизнью обеспечит высокий шанс положительных переговоров с проводником в мир духов. Ной, расположившись на заднем сиденье, рядом с Толстяком, зажег ароматические палочки с небольшой примесью опиума – оружие, применяемое против самых скептически настроенных клиентов и дрожи в руках.

Ритуал вуду на заднем сиденье. Коротким движением медиум заколол петуха: птица забилась в агонии, забрызгав кровью салон и стекла автомобиля.

– Эй, нельзя ли поаккуратней? – рыкнул Толстяк. – Нас сейчас первый же встречный мусор остановит.

– Нельзя мешать ритуал, – отрезал Ной. Хорошая мина при плохой игре всегда ему удавалась.

Сейчас он направит этих головорезов в загородный поселок, выведет на какой-нибудь заброшенный дом, скажет, что товар, и люди, его похитившие были тут недавно – и конец нелепому приключению. Медиум закатывает глаза, так что видны только белки глаз (подобное умение Дженкинс приобрел в ходе усиленной тренировки): «Слышать шепот юго-восточный ветер, лоя показать поворот каширское шоссе». – Клиенты, молча, наблюдают за происходя-

щим. – «Множество лиц у Спящий Бог, и первое из них – Случай. Проводник, позволь мне услышать их шепот. Предок, живущий в гудящий струна шепчет: путь лежать через то, что стоять и двигаться одновременно». – «И как это понимать?» – «Тут есть железный дорога?» – Переезд. Железнодорожный светофор мигает светом и выглядит живым существом в воспаленном сознании медиума.

Окружающая среда дает подсказки качанием поломанной вывески и загадочным граффити на гараже. Вся материя пропитана одержимыми духами, которые шепчут, намекают, прячась в шумящих кустах, оврагах, щелях сараев и плафонах фонарных столбов. Духи вселяются в баранку руля в руках Малыша, кричат голосом в стельку пьяного прохожего. Спальные районы сменяются стройплощадками, затем лесопарковой зоной и опять стройплощадками, пока боевая группа не попадает в коттеджный поселок, где обособленные, дорогие дома, отталкивают друг друга вертикальными пространствами заборов.

Ритуал закончен, осталось выбрать заброшенное строение, заявить, что некий «товар» и нужные люди были тут недавно, но ушли далеко, в другой город, и расправиться с ними желательно изготовив их куклы и наложив проклятие. Неплохо будет заполучить остатки денег и остаться в живых.

– Шустрый Лоа говорить: «Тут след плохие люди. Они нести то, что не принадлежать им».

– У нас таких в стране, пруд пруди, – ухмыльнулся Толстяк.

– Заткнись, – сказал Малыш, – надо проверить это место.

– А что я? Против, что ли?

– Шуточки твои достали.

Клиенты достали стволы. Ной отметил, что это были переточенные в боевое оружие, сигнальные пистолеты Ижевского завода. Такие штуки были популярны в девяностые годы среди провинциальных головорезов.

– Этот дом? – уточнил Малыш.

– Духи давать знак. Самый сильный энергия в округа, тут что-то есть. Ну, или было.

– Можешь насрать какую-нибудь заразу на тех, что внутри? – спросил Толстяк.

– Э-э, нет. Вы меня с Гендальф не путать. Мы не в компьютерная игра.

– Ты пойдешь первым.

Коттедж был недостроен, это Дженкинс определил по крыше, зияющей дырами в шиферной обкладке. – «Только бы там никого не было. Пора завязывать с этим делом».

– Как скажете, – вздохнул бокор.

В шляпе и темных очках, замотанный бинтами, держа в одной руке изогнутый нож, в другой окровавленного петуха, медиум двинулся к коттеджу. Он заметил на воротах камеру видеонаблюдения и это ему не понравилось.

– Может, мы пойти не через ворота?

– Неплохая идея, а, Малыш?

Компания отправилась по периметру ограждения, и вскоре им повезло: в одном месте крупный лист железа не был толком приварен и отходил от плоскости ограждения; Толстяк оттянул бракованную деталь и скомандовал: «Залетай!»

Ноя затолкнули первым; он вновь закатил глаза и обратился к потусторонним силам на непонятном даже себе языке, брызгая вокруг себя остатками птичьей крови. – «Только бы доме никого не оказалось», – было его единственной просьбой к сверхъестественным силам, именно за это желание петух расстался с жизнью, но как оказалось зря: за дверью послышался лязг ружейного затвора:

– Эй, Кислый, я что-то слышал.

– Что ты слышал? Меньше торчать надо.

– Да я вроде тоже слышал.

– Да кому, нахрен, вы нужны?

– Три подозрительных типа подходили к воротам – я видел – их камера засекла.

– Да это алкаши или неформалы. Видел, у одного, который в шляпе, рожа замотана и в темных очках он, а в руке курица? Огурцов, наверное, наворовать хотели.

– С уродом два конкретные типа были, не расслабляйтесь пацаны.

– Мизгирь, ты парень-то вроде здоровый, а кипишуешь по поводу каждого лоха, ей-богу.

– Задницу даю на отсечение, дело пахнет керосином.

– Умеешь ты страху нагнать.

Послышались шаги и опять рявкнул затвор.

Ной отшатнулся от двери и подошел к клиентам, прочертив за собой тонкий кровавый след.

– Произошла ошибка, это не тот дом.

– Что значит не тот?! – возмутился Толстяк.

– Духи говорят, нам нужен другой коттедж, дальше по этой улице, – Ной закатил глаза, но забыл симитировать акцент иностранца.

– Нужно проверить этот, – сказал Малыш, – Там кто-нибудь есть?

– Нет, то есть да, но это не те люди, которых вы ищите.

– Ты боишься, колдун, – заметил Толстяк, кивая на дрожащую руку с обезглавленным петухом.

– Я часто испытывать дрожь во время ритуал.

– Ага, – хохотнул Толстяк, – дрожишь как вудуист в игре диавло.

– Мы проверим это место, – заявил Малыш.

– Я не иди дом.

– Нельзя быть нанятым наполовину.

– Но я еще раз говорю: это не тот дом.

– Пойдешь первым, – настаивал Малыш.

– Это переходить все мыслимый граница, вы не мочь меня заставить.

– Сожалею, но тебе придется доделать свою работу, – пистолет в руке клиента смотрел прямо в живот Дженкинсу.

– Послушайте, я понимаю, что это вас разозлит, но должен признаться, я вообще не тот, за кого вы меня принимаете; это все нелепый фарс. Я не колдун. Это лишь способ зарабатывать на жизнь. Поймите же меня. Я верну деньги, а вы найдете того, кто вам действительно нужен. Этот дом – он не имеет ничего общего...

– Послушай, – перебил Малыш, ослабившись, – ситуация, как говорится, нестандартная. Мы не сомневаемся в твоём авторитете, но, так или иначе, с этим дерьмом пора кончать, – дуло уперлось в ребра, – пожалуйста, делай что сказано.

– Помогите мне, всемогущие духи, вразумить этих людей.

Ной приблизился к двери и осторожно постучал. Клиенты стояли за спиной.

– Кого принесло?! – слышался голос.

Колдуну ничего не приходило в голову, и, слова полились сами собой.

– Здравствуйте. Дело в том, что мы кое-что потеряли. Вы ничего не находили в последнее время?

Повисла тишина.

– Кто. Ты. Такой?

– Меня зовут Ной Дженкинс, я специалист по паранормальным явлениям. И у нас тут просто есть несколько вопросов; ничего особенного.

За дверью что-то передвинули, слышался топот и снова повисла пауза.

– Входи, – вслед за голосом прозвучал звук открывающегося замка.

Ной положил нож и трупик петуха на порог, медленно открыл дверь и вошел внутрь.

Дальше события развивались стремительно и сумбурно.

Сначала приклад ружья с силой скоростного поезда врезался ему в челюсть: боль вспыхнула перед глазами разноцветными вспышками и отдалась звоном в ушах – колдун даже не почувствовал падения. – «Твари!» – это был крик Толстяка. – Выстрел. Грузное тело упало на Дженкина. Толстяк взревел и несколько раз выстрелил. – Расплывающееся в глазах пятно на заднем плане упало с глухим звуком. Ной оказался зажат раненым клиентом; шляпа и очки упали на пол. Подбежали двое: один тощий, в засаленной тельняшке и торчащими во все стороны волосами; другой, высокий и грузный, с курчавыми волосами до плеч, похожий на цыгана – оба с двуствольными охотничьими ружьями. Они стали палить в Толстяка, и каждый выстрел выбивал из него нецензурные тирады, которые смешивались со звоном ружейных выстрелов. Враждебные незнакомцы настолько прониклись ненавистью к Толстяку, что совсем забыли еще об одном участнике кровавого шоу. Малыш, то ли от страха, то ли придерживаясь какого-то плана, задержавшийся за дверь, ворвался в дом, поражая противников бранью и пулями. Головы лохматого и цыгана забили кровавыми струями, и они рухнули поверх притихшего Толстяка. Ной, придавленный телами, взглянул на пораженное безумием лицо Малыша, которое вдруг взорвалось кровавыми брызгами, и в поле зрения появился он – воплощенный кошмар: это был огромный лысый верзила, с безумными, выпученными глазами, в руках новоявленный монстр держал дробовик. Как скала завис он над незваным гостем в боевой шаманской раскраске, глядя на него рыбьим, немигающим взглядом.

– Специалист по явлениям?

– Паранормальным явлениям.

Гигант покивал, вытирая с лица кровь Малыша и переводя дух.

– Тут как раз паранормальное явление и произошло.

– Я не причем, понимаете, они пришли, угрожали мне оружием, заставили идти с собой.

– Конечно, ты не причем, кто бы сомневался, – сказал верзила с натуженным дружелюбием, от которого Дженкинсу стало невыносимо страшно, – поэтому, это не для тебя, – здоровяк с грохотом швырнул дробовик об стену, отошел к шкафу и начал что-то там искать.

Ной принялся выползать из-под трупов.

Оставшийся в живых хозяин дома вернулся повеселевший, в руке его был молоток.

– А вот это для тебя, – супостат подкинул молоток, перехватив поудобней и шагнул к незваному гостю.

Ной в ужасе перебирает ногами, пытаясь отдалиться от неминуемой смерти.

– Мне, конечно, интересно, откуда вы, твари, взялись, но ты мне все расскажешь позже, когда я сломаю тебе все кости. А потом, – молот в руке палача со свистом рассек воздух, – потом, – он задыхался от ярости, – ты расскажешь все: кто вас прислал, где живет твоя семья – ты сделаешь все, чтобы я прекратил твои страдания. И я раздолблю твой череп и разбрызгаю твои куриные мозги по полу. А потом поссу в кровавую дыру, – он почти перешел на визг.

У Ноя потемнело в глазах, а тело онемело и стало словно бесплотным. Время замедлилось. Палач надвигался, размахивая молотком. И тут мнимый колдун с удивлением обнаружил в своих руках иглу и куклу. Ему показалось, что все это происходит не с ним: он в своем теле был типа водителя подъёмного крана, две стрелы которого служили ему руками. Мгновения стали долгими как годы, и крановщик понял, что он находится в другом месте. Он видит красно-голубое полярное сияние Сатурна и понимает, что нет мертвой материи: бури Юпитера, извержения вулканов на Марсе, земные цунами – все это проявления медленной воли, невидимой кратко живущим людям.

Комета, несущаяся в пустоте, и агрессивный человек с молотком имеют общую природу.

Сознание переносится в африканской саванне. Ной видит чернокожего человека, одетого в старомодный камзол, а на голове его высокий цилиндр. У незнакомца одна нога деревянная

и нет зрачков, видны только белки глаз, но судя по его широкой белозубой улыбке, факт слепоты его не очень расстраивает. Рядом с ним идет собака-поводырь. Пес рычит.

– Спокойно, Клайд, – говорит незнакомец, поглаживая пса, но обращается к Нюю, и весело насвистывает мотив в такт марсианской песчаной буре, – никто тебя не укусит, в какой-то мере, мой приятель только кажется псом, а на самом деле он – моя нога, – человек в цилиндре смеется, – все, что ты видишь, торговля твоего сознания с неизвестностью.

– Кто ты?

– Разве это важно? Можешь называть меня Папой Легбой, святым Петром, Специалистом по Симпатической Магии, Мастером Сверхъестественной Дипломатии или как тебе больше нравится. Вы, люди, преувеличиваете значение слов. Губы незнакомца не шевелятся во время речи. – «То, что не имеет формы, способно проявляться как угодно».

Деревянная нога превращается в змею, которая закручивается вокруг туловища пса, и Папа Легба шагает, опираясь на него. – «Вы – мошенники, занимаетесь копированием явлений, искусно создавая искаженные копии, но теряете сакральное значение вещей, а ведь у тебя в руках ключ, как соединить два события в одно. Ты и тот – другой, часть одного водоворота, но кто будет им управлять?» – Речь незнакомца продолжается, но она уже состоит не из слов, а некой неуловимой субстанции. – Бокор отвечает на неизвестном языке. – «Сакральность говорите? В моем куске времени она скрыта и впаяна в механизмы!» – Рука давит на кнопку, и тело издает что-то между криком и гудением. – «Левый рычаг направо! Правый рычаг налево!» – Руки соединяются. – Игла входит в куклу, и части уравнения меняют свое значение. – «Мы одно явление – куски материи в обезумевшей пляске смерти».

– Сдохни! – Ной слышит свой крик, который звучит как приказ, но сформировался он не в логических лабиринтах мышления. Этот выкрик сравним с гудением клаксона у взятого напрокат автомобиля.

Лысый здоровяк замирает, замахнувшись молотком, и падает, вращая глазами. Он хватается за сердце, а изо-рта его идет желтоватая пена. Молоток приземляется рядом с головой колдуна, оставляя вмятину в паркете.

– Я говорю вам правду, – Дженкинс вздыхает и оглядывает стены, словно пытается найти окно.

– Не верю, – вторит полицейский в возрасте, с седыми висячими усами.

– Я мелкий мошенник, оказываю магические услуги, а по большому счету – психотерапевт, у подобных мне на телевидении целое шоу.

– И про метамфетамин Вы ничего не знаете?

– Конечно нет! Я вызвал полицию сам, зачем бы я это делал, будь я наркоторговцем?!

– Резонно, – усмехнулся молодой, коротко стриженный полицейский.

– Но вот кто мне объяснит, тот факт, что нападавший на Вас человек вдруг взял, да и умер от сердечного приступа?! Какова вероятность умереть от сердечного приступа в нужное время в нужном месте, а?

– Не знаю, – пожал плечами Ной.

– А вот это, по-вашему, что? – полицейский достал из мешка с вещественными доказательствами куклу, с воткнутой в нее иглой, – это Ваше?

– Да, но это для антуража, господин полицейский.

– У человека, вообще-то, разорвалось сердце.

– Не хотите же Вы обвинить меня в том, что я применил магию вуду?

– Не хочу, – ответил полицейский, сердито развернувшись на каблуках, – сегодня Вы свободны, как только будут новые данные по этому делу, мы вызовем Вас снова.

Когда Ной вышел, седой полицейский спросил напарника:

– Что ты думаешь об этом?

Молодой полицейский повертел куклу в руках:

– Уголовный кодекс не рассматривает магические действия, как что-то противозаконное, если они не являются частью махинации мошенника. Однако не скрою, несмотря на кажущуюся безобидность, есть в этом чернокожем что-то зловещее.

– Заскучаешь тут по временам инквизиции, – проворчал усатый полицейский.

– Ты думаешь, это связано с сердечным приступом? – кивнул на куклу напарник.

– Конечно, нет, я не верю во все эти байки, созданные первобытным сознанием. Как впрочем, и в подобные случайности.

– Ты слишком строг к окружающему миру. Вот ты сам, не плод ли самого невероятного случая: однажды некий сперматозоид выиграл невероятную гонку и стал тобой; как думаешь, он, правда был самым сильным и умным, или это стечение обстоятельств?

– Это совсем другое. Неродившиеся Менделеевы, Энштейны, Шварценеггеры и Илья-совы не стоят передо мной немым укором. Это была случайность, которая ничему не противоречит. Сердечный приступ у человека, только что выжившего в перестрелке – другое.

– Я проверил, – молодой полицейский клацает клавишами компьютера, – он состоял на учете у кардиолога, у него и впрямь больное сердце.

Усатый полицейский раздраженно роется в своем шкафчике:

– Где мои пончики, случайно не ты их взял?

– Прости, я сделал это не специально, очень хотелось есть.

– Ты залез в мой шкаф?

– Ну, я случайно открыл, смотрю пончики.

– Случайно?!

– Вот черт.

Иногда, крайне редко, полицейские обсуждают теорию случайностей.

Уборщик

Константин Львович услышал звонок в дверь и засеменил к ней, на ходу восклицая: «иду-иду!».

Припав к дверному глазку, он спросил: «Кто там?».

– Уборщик. Мне назначено на двенадцать, – послышался из-за двери спокойный голос.

В глазок можно было разглядеть уже немолодого, лет пятидесяти мужчину, в фартуке и нарукавниках, в руке он держал аккуратный кожаный чемодан. Волосы визитера прорезали благородные пряди седины, а спокойный взгляд серых глаз внушал уверенность.

– Владимир Георгиевич? – уточнил Константин Львович.

– Именно.

Дверь приоткрылась, сдерживаемая цепочкой.

– Предложите мне войти? – спросил гость.

– Да-да, конечно, – Константин Львович поправил свой дорогой персидский халат и впустил уборщика.

Вошедший человек деловито оглядел обстановку и принялся, раздувая мясистые ноздри.

– Я приношу свои извинения, уважаемый Константин Львович, но деньги я беру вперед – таков мой принцип работы, мы с Вами это обговаривали.

– О да, конечно, – хозяин квартиры метнулся в другую комнату, откуда вернулся с купюрами в руке, и протянул их гостю.

– Спасибо.

– Желаете чаю?

– Не откажусь.

– Самовар как раз поспел. Он электрический, но, знаете ли, я испытываю слабость к архаическим вещам. Вот комод – обратите внимание – девятнадцатого века: выкупил на одном аукционе, две зарплаты потратил, но за такую вещь, знаете ли, – пустяки.

Владимир Георгиевич снял ботинки, подошел к комоду, присел и внимательно осмотрел поверхность.

– Чисто, – одобрительно заключил он.

– Люблю чистоту и порядок, – Константин Львович поставил на стол чашки и вазу с печеньем, – присаживайтесь.

– Спасибо, – сказал уборщик, сел в кресло и внимательно посмотрел в глаза своему собеседнику.

– Я, знаете ли, хотел с Вами поговорить об одном деликатном деле, – Константин Львович сбился, подбирая слова, а потом и вовсе смущенно замолк.

– Давайте, я облегчу Вам задачу, и расскажу немного о себе?

– Да, конечно, – облегченно выдохнул хозяин.

– Начнем с того, что перед Вами уборщик дерьма, но в моем случае это больше призвание, чем профессия. Я начал бороться с городскими нечистотами с семнадцати лет, и уже почти полвека работаю на этом поприще.

Еще в детстве меня поразил один древнегреческий миф о пятом подвиге Геракла, где речь шла об очистке Авгиевых конюшен. Уверен, Вы знакомы с этой историей, как и множество других людей, но мало кто видит в ней истинный сакральный смысл. Очистка мира от испражнений – достойный подвиг для полубога, а тем более человека! Имея страсть в сердце и технологии в руках, можно повторить достижение легендарного героя и приблизиться к Олимпийскому величию, о котором современное человечество напрочь позабыло.

С тех самых пор и по сей день я уезжаю на лето в Сибирь или на Урал, в места, куда не добралась гидра канализационной системы, и работаю там водителем ассенизаторской машины, – Владимир Георгиевич замолчал, задумчиво глядя в свои воспоминаия, и пожевывал губами, всем своим видом показывая, что он борется с трудной и большой мыслью.

– Простите, но как это относится?..Эм-м, – мягко вмешался Константин Львович.

– К нашему вопросу? Сейчас поясню: однажды я взглянул на свою профессию шире, так сказать, с философской точки зрения, и пришел к выводу, что, простите, дерьмо – это не только продукт жизнедеятельности организма, точнее сказать, не только его пищеварительной системы. Это понятие может быть применимо к любой системе: биологической, интеллектуальной, культурной. Вы согласны со мной?

– Д-да, пожалуй. Может быть.

– Так вот, – продолжал уборщик, – дерьмом может быть, как я и сказал, не только вещество, но также идея или действие. Дерьмо – это определенная качественная структура. Им может оказаться книга, фильм, политическое заявление, наркотик, пища, ситуация. Если вы, Константин Львович, человек широких взглядов, способный взглянуть на действительность с полярных точек зрения, то можно прийти к гипотезе, – Владимир Георгиевич заговорщически понизил голос, – что вокруг нас – океан разнообразнейших фекалий, а Господь Бог – главный ассенизатор. Но мы не будем скатываться до теологических и космогонических теорий, хоть за чашечкой чая и тянет поразмышлять о природе вещей. – Ассенизатор хохотнул и тут же снова стал серьезным и рассудительным. – Приведу краткий пример, чтоб стал понятен смысл моей работы. Вот живут два человека, дружат, любят друга и, извиняюсь за пафосный слог, идут по жизни вместе. Вдруг, по какой-то объективной или субъективной причине, один из них р-р-раз! – Владимир Георгиевич со свистом рубанул ладонью воздух, – и нагадил, простите, другому человеку!

– Да-да, – согласно покачал головой Константин Львович, откусывая печенье.

– А душа, суть психика, штука чувствительная. Заполучив неожиданный коричневый подарок, она захлопывается в оборонительную позицию, зажимая дерьмо, простите, в себе. Невольная жертва подобного поступка продолжает жить с этим грузом, которому там никак не место, и вот, пожалуйста – интоксикация, деградация, страдания!

– Не поспоришь, м-да, все так, пожалуй, и есть.

– Так вот, носитель лишнего дерьма, зачастую не может сам от него избавиться – так уж мы устроены – руки короткие. Что же в таком случае делать? Ответ может быть только один – необходимо третье лицо, которое сделает грязную работу – изымет из души вредоносную массу. Для подобных целей используют психотерапевтов, духовных наставников, учителей, сгодится даже хороший друг, но есть случаи, когда требуется особый подход. Поверьте, иногда работа ассенизатора, несмотря на кажущуюся грубость, требует хирургического подхода, и более Вам скажу – нестандартных решений! С Вашей стороны требуется только одно – искреннее изложение проблемы, со всеми фактами, сколь бы мерзостными и постыдными они Вам не казались.

– Видите ли, Владимир Георгиевич, есть у меня друг... или был – не знаю. Мы знакомы с ним с детства: уже более тридцати лет, – охо-хо, – как бежит время. Он доктор, если это имеет какое-то значение – доктор наук, – биологических. Штаммы, вирусы, бактерии. Сколько помню, ему всегда нравилось рассматривать эти мизерные проявления жизни. Когда нам было по десять лет, у него уже был собственный микроскоп! Представляете? Я думаю, это тогда и началось. – Константин Львович понизил голос. – Мы рассматриваем выращенную им плесень, а у меня зарождается смутное, темное ощущение, что мой друг грабит меня, понимаете?

Владимир Георгиевич кивнул, не сводя с собеседника внимательного взгляда, и по-собачьи принялся.

– Грабит не в прямом, а в каком-то метафизическом, метафорическом смысле; как будто любая его инициатива делает меня чуть более опустошенным, закрывает некие перспективы; чем больше я видел в его глазах увлеченности, тем более казался сам себе порцией устриц в ресторане, которых вот-вот высосут живьем, – Константин Львович нервно хихикнул. Позже он пошел в университет – рассматривать более мелкие проявления жизни, а я стал банковским служащим. У него появились очки с толстыми стеклами, – у меня – небольшие деньги. И даже тогда, угощая пивом этого неопита науки, я чувствовал, что теряю больше, чем просто мелочь из своего бумажника. Он находил красоту жизни даже в сибирской язве. Видели бы Вы, как он про это рассказывал, какие слова говорил: «Я наблюдаю невероятные чудеса, какая динамическая архитектура – простая и эффективная! Костя, ты должен прийти ко мне в лабораторию, я должен тебе кое-что показать, – вирус Эпштейн-Барра, – он прекрасен!» Когда речь заходила о вирусных мутациях, все, что ранее имело для меня ценность, на какое-то время теряло смысл. Деньги, женщины, карьера – лишь представление в кукольном театре. Чем жарче мой друг постигал микромир, тем преснее и бесцветнее становился для меня жизнь. Я стал управляющим банковским отделением, он – научным работником. Я женился и купил квартиру. Он написал диссертацию, что-то в области управляемых мутаций. Казалось, что я смог избавиться от того бесцветного чувства; я альфа-самец, могу приобрести просторную нору и поселить там привлекательную особь женского пола. Я позвонил ему сам и пригласил в ресторан, который он не смог бы оплатить на свое скромное жалованье научного сотрудника. И знаете, что он заявил после получаса автобиографических рассказов и обмена любезностями? «Костя, я уверен, что в вирус можно заложить потенциал для развития сложной разумной жизни и отправить его в космос. Это самая устойчивая и неприхотливая форма жизни. Многие ученые вообще считают, что это переходная форма между живой и неживой материей. Даже если мы одни во вселенной – это можно исправить! Отправившись в разные галактики и попав в приемлемую среду обитания, этот простейший организм начнет мутировать и усложняться. У меня есть небезосновательная теория, что жизнь на земле произошла именно от вируса». Я слушал своего друга, и опять все для меня теряло вкус. Лобстер на тарелке, нелепо раскинув распотрошенные щупальца, казалось, смеялся над фактом моего существования. Все обесценивалось, словно мое окружение без разбора поражал некий вирус, выведенный научными сотрудниками в очках и белых халатах. Мой друг – доктор, к слову сказать, был очень чуток и внимателен, искренне интересовался моими успехами и радовался им. А меня разрывала не то что бы зависть, не то что бы ненависть, а нечто такое, что прилипает к тебе, глушит все звуки, как будто ты живешь в мутной воде.

– Дерьмо, – прошептал Владимир Георгиевич, и в глазах его вспыхнул огонек азарта.

– Я понимал, что не нужно видаться с моим товарищем, а сам тянулся к нему, как наркоман к шприцу. Жил бедняга скромно, немного неряшливо, внешним миром интересовался в основном посредством книг, лишь изредка посещал музей или театр. По большому счету, интересовала его только наука. Жгутики, палочки, колбочки, реагенты и прочая научная ерунда, – последнюю фразу Константин Львович процедил сквозь зубы. – Но каждая встреча добавляла в его жизнь новых вирусов и уносила кусок от меня. Я впал в депрессию, развелся, потерял работу; из банкира я превратился во владельца маленького ломбарда, куда несут свои ценности наркоманы и мелкое ворье. Со временем бесцветное существование вошло в привычку, а потребность встречаться с другом угасла, потому что в моей жизни уже не осталось тех лакомых кусков, которые можно скормить микроорганизмам в пробирках. Но однажды случилось невероятное: мой верный друг, опустошитель моей души – женился! Вы представляете себе такое? Я всегда думал, что если он и женится, то на бактерии, но нет: это была чуть интеллигентная барышня, слегка за тридцать, полноватая, но весьма милая и приветливая. В этом я усмотрел истинную, вселенскую несправедливость, почувствовал себя Цезарем, которому дорогой сердцу Брут воткнул жало в почку! Своим неожиданным поступком он выпо-

трошил меня, как лобстера. Ох, знали бы они, приглашая меня на чаепитие, какая змея приползла к ним в гости. Вирусы, космос – пожалуйста! Но женщина... Он вошел на территорию человеческих интересов – мою территорию – как грабитель. Посвятив свою жизнь вирусам, следовало пожертвовать мирской жизнью, как поступают монахи. Но, как оказалось, хитрый вирусолог ничего не упустил: научные достижения, деньги (которые вдруг оказалось, не являются для него проблемой), красивая женщина. А что есть у меня? Одни разочарования. Эти мысли мучали меня, еще глубже загоняя в депрессию и болезни. Я убеждал себя: между событиями наших жизней нет никакой необъяснимой связи. Безрезультатно! Это напоминало унылое, затяжное пике в могилу. И тогда в моем воспаленном сознании созрел гадкий, отвратительный план. Я пригласил друга в сауну попариться и выпить пива. В его кружку я подмешал транквилизатор. Затем пришли девушки, и мы устроили небольшую фотосессию. После чего от лица некой анонимной любовницы, пользуясь социальными сетями, я послал его жене фото, сопровождаемые заявлениями, мол, у них любовь, и надо бы моего друга оставить с действительно достойной его женщиной. Жена бросила его, несмотря ни на какие уверения, и вскоре вышла замуж во второй раз, а мой товарищ начал практиковать то, что ранее делал редко, и никогда по-настоящему не умел – пить. Он занялся этим с таким же рвением, с каким изучал свои бактерии и вирусы, и вскоре добился успеха – остался без работы, квартиры, среди бездомных, которые собираются в переходах метро. Я нашел его, пытался с ним поговорить, объяснить, что я ни в чем не виноват, но он лишь смотрел на меня странным взглядом, как будто я не человек, а смертельный вирус. Казалось бы, баланс восстановлен, но я не почувствовал облегчения, глядя на своего товарища в невесть где добытой старой спортивной куртке, заматанной в тряпье шеей и знакомыми очками, стекла которых теперь были грязны и треснуты. Во мне боролись противоречивые чувства; с одной стороны: «что я наделал?!», а с другой: «как слаб и хрупок оказался человек, обесцвечивающий ткань моей жизни». И стало хуже, чем прежде: не беру в расчет чувства стыда перемешанного с чувством презрения; в моем возрасте и положении человек в силах справиться с подобными переживаниями. Как бы это объяснить? Я стал напоминать себе поломанную механическую игрушку на свалке, которую выбросили, потому что одна ее половина механического нутра покалечила другую в своей же оболочке. Простите за излишнюю метафоричность, но я, право, не нахожу слов, как объяснить это по-другому, – рассказчик отхлебнул чаю.

– Все в порядке, – деловито сказал уборщик, – просто Вы полны говна.

– М-да.

– Сразу Вам признаюсь, случай не из простых. Чистка этих авгиевых конюшен требует, так сказать, архитектурного решения, Константин Львович. Позвольте, где у Вас туалет.

– Там, левая дверь – ванная, правая – туалет, – хозяин указал рукой в правильном направлении.

– Спасибо, – Владимир Георгиевич поднялся быстрым движением, прихватив с собой чемодан.

Несколько минут ассенизатор отсутствовал, после чего появился в дверном проеме, все так же с чемоданом и ватным диском на раскрытой ладони.

– Иногда дерьмо может оказаться в самых неожиданных местах, – он слегка развернул ладонь, показывая коричневую полоску на белой поверхности диска, – просто следите за унитазом внимательно, это я обнаружил под ободком. Причина – брызги при смывании.

Уборщик открыл чемодан, извлек оттуда пинцет и маленький пакетик, подобный тем, что полиция в фильмах использует для мелких улики. Искусно подцепив ватный диск пинцетом, он отправил его в пакетик, который тут же исчез в глубине чемодана.

– М-да, простите, не досмотрел, – смутился Константин Львович.

– Это ничего, у нас с Вами задача сложнее будет. – Уборщик достал из чемодана внушительный резиновый молоток на металлической ручке и с размаху ударил Константина Львовича в лоб.

Вспышка превратилась в темную густую массу, где, как мухи в янтаре, застыли причудливые очертания: вирусы, скрученные в замысловатые жгуты или застывшие сферическими комковатыми кусками, недопитые бутылки с алкоголем; в полужидких слизистых разводах плавали обрывки фотографий. Они улыбались чёрно-белыми улыбками женщин, которые когда-то были знакомы, улыбками товарищей и недругов, случайных прохожих и продавцов в соседних магазинах – все они смотрели презрительно, постепенно растворяясь в жгучей серой массе. В переплетениях этого хаотичного, бесконечного натюрморта зарождался утробный, булькающий звук, приводивший все окружающее пространство в медленное колебательное движение. Звук нарастал постепенно, пугая своей неизбежностью. Константин Львович вдруг осознал себя частью этой мертвой, нестабильной субстанции. Откуда-то из глубины всплывали тела, они медленно шевелились и смотрели на него. – «Сынок, запомни, в этой жизни никому нельзя верить, вся биомасса этой планеты проклята – каждый сам за себя». – «В вирус можно заложить потенциал развития разумной жизни. Только в таком виде сложноорганизованная материя способна пережить путешествие на несколько парсеков». – «Я упаковала чемоданы, и знаешь, что я хочу тебе сказать: мне жаль того времени, что я провела с тобой». – «Однажды живые существа выйдут за рамки времени. Время – это ловушка». – «Эй, бармен, налей мне двойную порцию абсента!». Булькающие голоса нарастали со всех сторон. – «Остановите это!». Константин Львович пытался закричать, но рот его был скован клейкой массой, так что он мог выдавать лишь сдавленное гудение.

– Тихо-тихо-тихо, – послышался спокойный деловитый голос Владимира Георгиевича, – не волнуйтесь, все что происходит – часть необходимой процедуры. К сожалению, случай настолько запущенный, что требует одностороннего вмешательства, так сказать, без предварительного согласия пациента.

Хозяин квартиры ответил сдавленным мычанием. Он уже понял, что в его рот вставлена трубка, примотанная к голове клейкой лентой, руки скованы за спиной наручниками, а сам он, со спущенными штанами, перекинут через журнальный столик, к которому так же примотан.

– Минуточку терпения, уважаемый Константин Львович, я сейчас Вам все объясню. Сразу оговорюсь, чтоб Вас не терзали лишние страхи, – я не убийца, не насильник, не вор – я уборщик дерьма. То, что сейчас происходит, является своего рода символической процедурой очищения. Уж если очистка авгиевых конюшен требовала нестандартного подхода, то что уж говорить о человеческой душе, одним из самых сложных отхожих мест. Поэтому мой Вам совет – не пытайтесь понять происходящее умом, понимайте это нутром. Если пуститься в пространные рассуждения, это можно назвать обрядом инициации в «homo purificatum» – «человека очищенного», но я надеюсь, что Вы и сами все поймете. Теперь внимание, дражайший Константин Львович, Вам нужно проглотить три пилюли – умоляю Вас, не мухлюйте, это не яд.

Уборщик приподнял за трубку голову Константина Львовича и поместил туда пилюлю.

– Тут три штуки. Глотайте, а то можете подавиться.

Когда уборщик убедился, что все пилюли попали по назначению, он продолжил свою речь.

– Пилюли, которые вы проглотили – это слабительное, рвотное и вирус дизентерии с укороченным периодом инкубации. Моя особая гордость! Применяется крайне редко, но у Вас интересный случай. В течение часа начнется первый этап очищения. Через сутки подействует вирус: у Вас начнется понос и рвота – это опасно – можно погибнуть от обезвоживания. На этот случай я подготовил Вам запас подсоленной воды – пейте как можно больше.

Владимир Георгиевич указал на стоящие рядом с журнальным столиком два ведра: одно раньше применялось для мытья полов, другое для мусора, там же стояли кастрюли, пароварка и даже чайные чашки – все они были полны.

– Вы дотянетесь. Вот так, трубочку в ведро, тянетесь и пьете, – рассуждал уборщик.

Константин Львович протрубил что-то нечленораздельное.

– Не надо просить Вас освободить и говорить, что все это какая-то ошибка. Я просто делаю свою работу, за которую Вы мне заплатили. Относитесь к этому как к необходимой процедуре.

Уборщик заглянул в свой чемодан, проверил, все ли в порядке.

– Прощайте, Константин Львович, не забывайте пить больше жидкости.

Владимир Георгиевич, прирожденный ассенизатор, подхватил свою поклажу и вышел из квартиры, прикрыв за собой дверь.

– Ну и дела, – протянул молодой, короткостриженный полицейский, – так Вы говорите, ничего не помните?

Человек на больничной койке улыбнулся мягкой, грустной улыбкой.

– Так я Вам напомним. Ваши соседи вызвали полицию, потому что не могли выносить запах, идущий из Вашей квартиры. Когда мы пришли, Вы были в странной позе, без штанов, с какой-то трубкой во рту и весь, простите, в говне.

– Господа, мне жаль, что вам пришлось наблюдать столь неэстетическую картину, но я уже все сказал.

– Но и это еще не все, – вмешался другой полицейский, седоватый, с висячими усами. – Тот, кто с Вами все это проделал, судя по всему, заразил Вас дизентерией намеренно, потому как оставил ведра и кастрюли с водой для восполнения жидкости. Что все это значит?

– Я бы сам хотел это знать.

– Вы будете писать заявление.

– Нет.

– Почему же? Сами же сказали, Вам интересно знать? – вмешался молодой полицейский.

– Я устал, простите меня. Не хочу, чтобы это продолжалось.

Полицейские покинули палату.

– У тебя есть соображения? – вислоусый полицейский почесал голову.

– Может, это была какая-то разновидность сексуальных игр? – предположил его напарник.

– Что-то не похоже.

– Я слышал, жил такой известный ученый, Зигмунд Фрейд. Он выдвинул теорию, что личность человека и его поступки связаны с нереализованными сексуальными желаниями.

– И ты в это веришь?

– Я не знаю, вряд ли.

В тот день полицейские сомневались в учении Зигмунда Фрейда.

Популярная наука

Леонид Михайлович зашел в каптерку, кутаясь в свой старенький ватник, скинул сапоги и шагнул в тапки. Он только что накормил сторожевого пса Федьку его излюбленным лакомством – вареными свиными хвостами – и теперь ждал, пока закипит вода в замызганном алюминиевом чайнике. В металлическую солдатскую кружку Леонид Михайлович насыпал изрядную горсть чая прямо из коробки, залив крутым кипятком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.